

Степан Вышнеградский

Падший

Степан Вышнеградский Падший

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69161437

SelfPub; 2023

Аннотация

Студент Фёдор Отщепенцев прибывает учиться в город на Неве, однако у него не очень складываются отношения со сверстниками в силу своей нерешительности и слабого состояния души, а после прохождения травмирующей ситуации, он и вплоть впал в психическое неравновесие, отчего постоянно тщетно вынужден скитаться, надеясь найти внутренний покой и избавиться от своих душевных мучений...

Содержание

Предыстория	4
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	49
Глава 7	60
Глава 8	70
Глава 9	83

Степан Вышнеградский Падший

Предыстория

Вместо предыстории хотелось бы начать рассказ с объяснения биографии Фёдора Ивановича Отщепенцева. Сам он родился в небольшой деревушке, на отшибе страны, находящаяся в самой глухомани. С детства обожал всякие науки и тяготел к ним как ни к кому более, кроме, разумеется, своих родителей. Его знания были обширны и не кончались одной областью. Он знал в свои юные года крайне немало: от математики до биологии, от литературы до физики, при этом имея хорошую репутацию не только в школе, но и в своей деревне. После окончания школы, в которую ему приходилось добираться из родной деревушки в соседний город, его родители, редая за будущее своего сына, отправили его учиться в Петербург, как один из лучших вариантов, так как этот город находился ближе и вообще впечатлил Фёдора, когда он там бывал в гостях у своей тётушки. Родители его не обладали какими-либо крупными сбережениями, но смогли за несколько лет насобирать ему на учёбу необходимые накопления. Сам Фёдор с живым удивлением и невероятной радостью, которую хоть и не показывал внешне, но душа от этого

чувства у него переполнялась, отнёсся к идее переезда. Никто не сомневался, что Фёдор сможет сдать экзамены и оттого был выбран один из лучших ВУЗов. За время лета всё было подготовлено и Фёдора отправили почти в конце этого прекрасного периода в Петербург...

Глава 1

Уже давно прошла пора тех прекрасных летних деньков с их неистовым благовоением черники, леса, речной, быстро бегущей, воды, той зелёной травы, на которой пасутся коровы, жадно её поедая. Теперь же дожди начинали идти всё чаще, обливая землю несметным количеством влаги, а вместе с ними в паре пришли и грозы, ударявшие с небес, будто гневался сам Зевс, наказывая изнемождённых своей работой и уставших от летнего зноя землян.

Фермеры и обычные садоводы собирали вовсю урожай, дети, допытывая последние жаркие летние дни, купались ещё в тёплой воде, а родители уже спешили купить всё необходимое им в школу.

Осень стучалась в окно этому миру, сменяя зелёную свою сестрицу, которая уже уступала ей место, окрашивая свой наряд в жёлтые краски.

Город, отходящий от прошедшего летнего зноя и обычной для него уличной пыли, становился чуточку тусклее, будто бы впадает в грусть, как это и бывает с крупными городами в пасмурные бессолнечные дни.

Но люди всё так же спешили куда-то, всем было так же равнодушно на происходящее, лишь иногда в толпе разглядывались грустные лица несчастных, чья грусть разлилась и выпала на долю этих непогожих темнеющих дней.

И среди огромного числа всех тех лиц оказался уже ныне студент, отлично сдавший все вступительные экзамены – Фёдор. Шагая по ухоженным улицам города Петра, с его лица не сходила улыбка, он был крайне рад тому, что его судьба занесла в этот чудный город. На него смотрели некоторые прохожие с небольшим удивлением и непониманием, но, казалось, что Фёдор даже не замечал хмурые физиономии проходящих мимо него людей. Он был в своих мыслях, в своей радости и ему не было дела до окружающего мира. Он был готов раствориться в тех размышлениях и думать только лишь о вещах, которые находились на передовой его мыслей. Но реальность оказалась злей и не допускала ухода Фёдора в его прекрасный внутренний мир: то какой-то дядька окринет его имя, обращаясь к совсем другому человеку, то машина прямо перед ухом посигналит, будто у водителя от ярости в его груди онемели конечности и он не может их привести в обычное положение, оставляя их в самый пик негодования, где рука, давя на руль, не могла отбросить сигнал и нажимала на него всё сильнее с каждой секундой. Такое не устраивало Фёдора, ему не по душе была эта тусклая и жестокая реальность, ведь мечты всегда красивее, там идеально всё до мелочей, а реальность такова, что эти самые мелочи и являются её ключом в доступ к человеческому видению этого мира. Но, к сожалению, в этом мире не найти идеала, как бы человек к нему не стремился, но ради достижения и восполнения его нехватки человек обращается к своему мозгу, надеясь найти

то, что он не может обнаружить на деле. Его слова и поступки, люди, его статус и положение в обществе – всё идеально, и для Фёдора идеал являлся целью, лучшим достижением, а его мнение насчёт невозможности результата без наилучшего идеала и оттого недопустимости его существования, было одним из ключевых звеньев разума этого человека. Квартира Фёдора, куда он так шёл и на которую также смогли расходоваться его родители (не без помощи тётушки), находилась в одном из жилых однотипных массивов, где в каждом доме прожигали своё брэнное существование тысячи людей, будто находясь в огромном, одном из миллионов, муравейнике, в котором тебе рождается необходимость становится звеном в невозможно огромной цепочке муравьёв, где твоё отдельной место и работа забронирована на всю твою жизнь, взамен этого ты получаешь от его администрации лишь право также обречь своих детей на дальнейшее проживание такой же брэнной жизни, а потом внуков, а потом правнуков. Кажется, этому конца нет...

Но Фёдор, хоть и являясь реалистом, предпочитал не думать о вещах, не связанных с ним, потому его жизнерадостная улыбка часто не слезала с такого же жизнерадостного лица. Идти ему до дома было не так уж и долго. Он уже за первые дни проживания в этом городе успел осмотреться и выучить местность, которая казалась теперь ему как родной. Пока он шёл, вокруг его также продолжала кипеть жизнь, и даже войдя в свой красивый ухоженный двор, он видел, как

дети быстро залезали на горку и так же быстро скатывались с неё, как родители, сидя на лавочке, разговаривали и хихикали меж собой, иногда поглядывая на своих детей, как старики, уже повидавшие жизнь, тихо, с тросточками или без, обсуждали просмотренное по телевизору. Фёдор, проходя мимо этого каждодневного мероприятия, вошёл в свой подъезд. Он лишь раз до переезда в этот город ездил на лифте. От каждой поездки на нём ему было интересно и завораживающе, будто он ребёнок на каком-то аттракционе. Он жил высоко, аж на двадцать первом этаже, откуда часто виднеются полёты голубей и ворон. Он это, пожалуй, заметил уже раз пятый за то время, пока находился в этой квартире. Он тихо и неспеша вставил ключи в дверь, отпёр её легким движением руки и вошёл в прихожую, которая за время проживания Фёдора тут, как и многое другое, серьёзно изменилась (правда, надо признать, по большей части от его скуки). Она стала не похожа на ту, которая была в объявлении. Он создал такую обстановку, что может некоторому обывателю покажется тревожной, но Фёдору это располагало к душе, ему очень нравился результат перестановки своего нового дома: в самую первую очередь он занавесил почти все окна в квартире, всю обувь, посуду и мелкие незначительные вещички выставил в таком красивом и правильном порядке, что, пожалуй, самый отъявленный перфекционист позавидует, а каждая соринка, крошка хлеба на кухне боялась его, ведь при виде хоть одной он вычищал весь стол, а при необходимо-

сти и саму кухню. Фёдор любил часто проводить время дома один на один с собой, ведь самым лучшим другом для него был только он сам. Размышляя о различных событиях, идеях и, конечно же, ситуациях, произошедших в его жизни за то время, пока он отсутствовал в своём логове, не всегда, разумеется, приятных, часто бывало уходило настолько в свои мысли, что даже не замечал, насколько быстро летит время и, как правило, нередко в такие моменты не успевал сделать все необходимые планы за день. Но он знал, что происходит, когда человек погружается в свой мир на очень долгое продолжительное время, и оттого иногда, хоть и не очень охотно, но пытался с этим бороться. Честно сказать, ему это даже нравилось, но однако понимание того, что это не есть самый верный и правильный метод времяпровождения, наталкивало его на борьбу с этим.

Долго он не мог заснуть, находясь в мыслях либо вовсе не засыпал, оставаясь в полусонном состоянии целыми днями, но навряд ли его это как-либо сильно беспокоило. Сонным он не погружался в мысли, ведь единственной его целью в те моменты были только сон, а всё происходящее вокруг, учёба, дела находились на втором размывчатом плане. Тогда, в некоторые минуты возбуждения от "сонного паралича", он чувствовал жизнь по-настоящему, что-то тяготило к этому, но в то же время тянуло больше не возвращаться в то состояние.

Когда он возвращался домой, шёл сразу же в свою комна-

ту как пуля, летящая из ствола пистолета с недюжинной скоростью, преследуя только одну цель, не видя препятствий, ложился на кровать, не раздеваясь и моментом засыпал.

Летом его график сна был совсем непостоянный; он мог спать целый день и только лишь в полночь либо близко к ней проснуться с чувством бодрости. Однако переезд в другой город изменил его время сна и он начал засыпать намного раньше, чем обычно и вставал часов в 6 утра без чувства усталости и желания спать. Впервые за то долгое время он смог выспаться и приучить себя к этому по чистой случайности, как будто судьба сама натолкнула на это. Всё это время пребывания в новом городе он считал, что становился лучше, его моральное состояние улучшалось, он становился сильнее и мужественнее. Фёдор, даже несмотря на свою неразговорчивость и замкнутость, смог познакомиться с некоторыми соседями, которые лестно о нём отзывались, рассказывая насколько он умен и дальновиден.

Глава 2

Но дни лета уже почти истекли и заждавшаяся осень стояла у порога, поджидая этот мир, чтобы резко войти и окрасить его в жёлтые цвета, повеяв холодом. Дух сентября и ушедшего лета мелькал в каждом дереве, которое превращалось из зелёного жизнерадостного в пожелтевшее и чуть грустное, в каждой травинке, в птицах, готовившихся к перелёту в тёплые дальние края, даже в каждом мимо проходящем человеке казалась некоторая тоска и скука по ушедшим летним денькам. Всё начинало передавать дух этого осеннего непогожего времени.

Становилось всё холоднее и холоднее, и последние два дня августа, олицетворяющие прощание лета, наполнялись постоянным непрекращающимся, более активным чем обычно, кипением людской жизни, в надежде урвать последние оставшиеся товары для своих детей в школу.

Фёдор, гуляя вдоль набережной Фонтанки, размышлял о многих не очень волнующих, но интересующих его вещах и наслаждался окружающей красотой: он видел, как утки барахтались в воде, дерясь за хлеб, который им кидал стоящий на берегу дедушка, как уже уставшее солнце постепенно прекращало издавать тепло и его лучи уже не так рьяно били по Земле, а, скорее, более безразлично, как будто они решили взять перерыв и отдохнуть от кропотливой летней работы.

Идя по берегу, отрекаясь от всех мыслей, Фёдор часто замечал возросшее по сравнению с летом число влюбленных пар, что его удивляло, ведь в такой период он не ожидал увидеть любовь вокруг себя, да впрочем, он сам не испытывал никогда такого чувства, потому встретить влюбленных людей ему и так казалось странным.

Уйдя от городской речки, свернув за угол, пройдя несколько шагов, он почувствовал резкий неожиданный голод, будто он не ел несколько суток, его живот прихватило так, что ему показалось на миг, что это какая-то болезнь его обуяла прямо посреди улицы, но он тут же отряхнул себя от этих мыслей, так как эта боль никак не похожа ни на какие заболевания, кроме как крайнее чувство голода. Он не задумавшись пошёл в ближайший магазин, который благо находился поблизости, совсем недалеко от него. Пройдя этот небольшой промежуток, отделявший его от вожаделенного магазина, Фёдор зашёл вовнутрь его. Пред ним сразу пал немалый ассортимент всякого товара: от посудомоющих средств и детских игрушек до колбас, вин, икры. Пошарпав в кармане, он нашёл лишь пятьдесят рублей, но и этого вполне хватало, чтобы закупиться и наконец утолить свой дерзкий голод.

Его взгляд сразу запал на чипсы, которые стояли сорок пять рублей. Он понимал, что такая трата не совсем выгодная, но голод – не тётка, он был сильнее меркантильного ума Фёдора, потому он его поборол, как борец на ринге, сделав

жѐсткий и окончательный нокаут, заставив Фѐдора идти на кассу оплатить товар. Выйдя наконец из магазина и открыв пачку чипсов, он жадно с немалой скоростью начал поглощать всё содержимое пачки, будто он голодный волк в зимнем лесу, поймав свою первую добычу за неделю, начал её рвать и пожирать, не упуская ни кусочка изо рта и не давая шанса своим сородичам подойти к ней. Доев всё содержимое, он выбросил пачку, как положено, в мусорку и выпрямив спину пошёл дальше бесцельно бродить по Питеру. Но вечернее время ему говорило лишь об одном – что ему пора возвращаться домой, пока время не стало настолько тѐмным и непроглядным, что последнее метро закроется и Фѐдору придётся добираться пешком до своего жилища, как с ним случалось уже пару раз.

В принципе, он был рад прошедшему дню, но бывало в минуты удовлетворения он вспоминал о том, что скоро ему предстоит идти в университет из-за чего его иногда окутывала безудержная тревога и волнение.

Вот и прошли летние деньки. Солнце ещё просыпалось рано, освещая утро для заспавшихся в своей кровати людей, заставляя их пробуждаться и идти на работу или учёбу. Фѐдор проснулся раньше чем обычно на целый час, он подготовился к этому знаменательному событию в его жизни кардинально: вся его одежда была выглажена идеально, его туфли блестели как последний глянец, волосы уложены так, как будто он голливудская звезда. В таком виде он вы-

шел на улицу, предварительно позавтракав. Добираться до места учёбы ему предстояло на автобусе относительно долго, застряв по пути в продолжительных нескончаемых пробках. В то время, пока он ехал на автобусе, он рассматривал вокруг эту праздничную обстановку, которая царила вокруг. Школьники, шедшие с цветами в школу, выражали различную палитру эмоций, которая варьировалась от отчаянья, безразличия к радости. Он и сам себя узнавал в этих детских лицах, ведь когда-то совсем недавно он шёл так же с безразличием с пышным букетом цветов, купленных на базаре у пожилой женщины, чтобы подарить их своей учительнице, которая, скорее всего, выкинет их через пару дней и забудет про это как обычный ежедневный сон.

В автобусе было очень душно и тесно; каждый промежуток, сантиметр длинного салона был заполнен людьми, спешащими кто на работу, кто проводить своих детей на школьную линейку. Машины рядом в заторе так же, надеясь урвать время и как можно побыстрее проскочить, томились с остальными в одном нескончаемом потоке железных бесчувственных автомобилей, в которых сидели невыспавшиеся люди.

Духота наполняла салон автобуса всё сильнее, ароматы духов, дезодорантов только дополняли этот невозможный винегрет запахов, тесня и так стоящих впритык друг к другу людей ближе к окнам. Поток машин, казалось, ехал медленнее черепахи, ползя пару метров в минут пять, но это была

лишь иллюзия, создавшаяся из-за духоты, тесноты и стремлением людей как можно быстрее покинуть это злосчастное место.

Фёдор стоял на одном месте, не сходя с него и смотря куда-то вперёд, как будто пытаясь показать всем своим видом безразличие на рядом стоящих людей. Но когда автобус подъехал к нужной ему остановки, он резко в неожиданности помчался так же вперёд, пробирая плотную толпу людей, боясь, что двери закроются раньше того времени, когда он успеет выскочить из автобуса. Но он успел. Как раз после того, как он выпрыгнул из салона, двери закрылись. Однако пока он торопливо выходил из автобуса на остановку, он столкнулся со стоящим на ней мужчиной лет сорока, державшим в руках кофе из какой-то местной районной кофейни.

—ты куда прешь!? Глаза вылупи, идиот!

—прошу прощения, я случайно...

—за нечаянно бьют отчаянно! Если бы хоть капля кофе вылилась мне на пиджак, то ты, мерзавец, его бы на этом месте своим гадким языком стоял и вылизывал.

Но ответа от Фёдора не последовало, он быстро скрылся из виду, перейдя на другую сторону дороги. Идти до университета ему было совсем недалеко. По пути он раздумывал и рассуждал о том, правильно ли он сделал, что промолчал и ушёл, правильно ли вовсе поступил. Но пока он думал, он уже пришёл к зданию университета. Красивое, ухоженное здание девятнадцатого века постройки впечатлило Фёдора с

первого взгляда. Он стоял перед ним некоторое время, смотря вверх.

– вот это красота! Умели же люди раньше строить, – сказал про себя Фёдор.

Но тут неожиданно ему кладут руку на плечо, чуть шатая его.

– нравится? Я тут второй год учусь.

– да, красиво. Я тоже тут буду учиться.

– что, серьёзно? Добро пожаловать в ад. Ха! Не воспринимай это так серьёзно. Меня зовут Сергей, можешь просто Серёга, если хочешь. А тебя как?

– меня-то... Меня Фёдор. Приятно познакомиться.

– приятно не то слово! Так что ты у порога тут стоишь? Ты не стесняйся, скоро будешь чувствовать себя как дома, ну или в прямом смысле дома, ха-ха-ха! Наверно, собрание у тебя, ступай давай, а я пойду ещё погуляю тут.

Фёдор постояв ещё пару секунд, вошёл в здание. Он не помнил, куда ему следует идти точно, но знал, что ему на второй этаж, а какой номер кабинета у него вылетело из головы ещё до этого момента, возможно, от волнения, а может, от забывчивости, кто знает. Теперь же думать об этом было поздно. Перед ним встала, кажется, одна из трудных для него задач – спросить незнакомого человека о нужной или ненужной, о любой информации в принципе.

Он стоял, пытаясь в надежде вспомнить хотя бы циферку.

– двести первый? Нет. Может, двести шестой? Нет, точ-

но нет. Потом начал и вовсе ходить кругами, делая вид, что вспоминает, но в его голову ничего не приходило, даже близко.

Тогда его окутал резкий холод, по телу пробежали мурашки, а в груди появилась сильная тревога. Ему в этот момент предстояло поглядеть в лицо своему злодейскому страху и наконец сломать ему хребет, хотя бы попытаться разок. Он взял волю в кулак и подошёл к случайному парню, шедшему в толстовке с накиннутым капюшоном.

–извините... Вы случаем не подскажите кабинет, где находится сейчас Ю-11?

–подскажу. 210 кабинет. Вот прямо через пару дверей пройдите и увидите его.

–спасибо большое!

С Фёдора сразу слетел страх и волнение и он пошёл, можно сказать даже помчался в этот кабинет. Когда он подошёл к нему, его снова обуяла тревога, не давая нормально сосредоточиться. Но он снова взял себя в руки и постучал, приоткрыв дверь.

–здравствуйте. Можно?

–да-да, присаживайтесь.

Фёдор, проходя в дверь, закрывая её аккуратно и тихо за собой, разглядывал лица своих однокурсников, думая, с кем ему придётся учиться и насколько человек хорош внутренне по внешнему виду.

Он прошёл некоторое расстояние от двери, идя вдоль сте-

ны ко второй парте, ведь именно то свободное место попало ему на глаза первым. Он неторопливо отодвинул стул и сел за парту. Его соседом была девочка небольшого роста, с черными длинными волосами, сплетёнными в две косы. Она сидела и как будто не обращала на него внимания, но по ней было видно, что она иногда краем глаза посматривала на Фёдора, чуть покраснев. Фёдор сам был нерешителен, но почему-то в тот момент в его мозг резко ударил адреналин, он моментом стал мужественнее и храбрее, его страх мигом исчез, сбежал от него и Фёдор решил спросить у своей соседки по парте её имя.

–привет. А как тебя зовут? – спросил Фёдор

–привет. Меня Катя, а тебя как? – ответила скромно и стеснительно она.

–а меня Фёдор. Будем знакомы.

Он протянул ей вежливо свою руку, пытаясь показать всем своим видом, что он себя чувствует комфортно и ни капли не стесняется.

Вдруг преподаватель и куратор группы, в которой будет учиться Фёдор, дописав что-то в своём журнале, начала внезапно говорить, прервав диалог Кати с Фёдором.

–надеюсь, пришли все. Во-первых, начнём с того, что меня зовут Вероника Станиславовна Троянова, предлагаю вам это записать, чтобы не забыть. Во-вторых, вам стоит понять, что вы уже не в школе, а система оценивания здесь другая и помимо её много чего ещё. Здесь вам поблажек не будет, вы

должны учиться и приходиться на каждую пару, а если вы отсутствуете по каким-то причинам – вам ставится н/б, думаю, все усекли. Так, продолжим...

–уже даже скучно, – сказал Фёдор шёпотом своей соседке.
–угу... – тихо ответила она.

Преподаватель ещё долго разъясняла правила и иную информацию, которую, скорее всего, большинство из студентов даже не запомнили. Единственное из всего, пожалуй, что записали почти все – это расписание и начало учёбы, которая уже начиналась с завтрашнего дня.

Договорив всю необходимую информацию, куратор отпустила всех студентов. Катя и Фёдор решили пойти вместе. Как оказалось, им вместе по пути, так как они жили рядом, недалеко друг от друга.

–а пошли вместе? – спросил с небольшим волнением и дрожью в голосе Фёдор.

–пошли. Только давай через другой маршрут (а он был более долгим), – ответила на это Катя, чуть видно улыбнувшись.

–давай! – радостно подхватил Фёдор.

Они вместе пошли через парк, гуляя по нему и наслаждаясь окружающей романтической осенью. Они гуляли очень долго, а дорога до дома казалась такой далёкой.

Их разговоры были о многом разном, не имеющие логической последовательности. Дойдя до дома Кати, они попрощались. Насколько Фёдор был рад – не передать словами. Он

шёл домой затмённый счастьем.

На следующий день, Фёдор, как обычно, прихоражившись и проехав ежедневный путь до университета, вошёл в него уже как в родной дом. Пройдя типичный путь студента по коридору, обрасывая взглядом всех проходящий мимо него людей, он шёл на пары даже с некоторым удовольствием. Войдя в кабинет истории, поздоровавшись с преподавателем, он сел к Кате как обычно. День прошёл так же быстро и красиво как прошлый, мало чем отличаясь, разве только тем, что Фёдор познакомился со своим однокурсником, который ему не понравился, как и он ему – Ильёй Ежовым. Сам он был задиристого характера и очень агрессивен, не воспринимал иного отличного мнения от своего и людей, которые выделяются из толпы хоть как-то, ещё, помимо этого, он часто нередко злоупотреблял спиртным вместе с такими же хулиганами как он. С первого же дня их знакомства случилось недопонимание – Фёдор, являясь достаточно спокойным и тихим, сразу привлёк внимание Ежова, который изначально выкрикнул какое-то оскорбление Фёдору, однако он его не слышал, но по тону и интонации было ясно, что Ежов намеренно пытался спровоцировать на конфликт Фёдора, что у него не получилось.

Таким образом прошла осень, но на удивление достаточно спокойно и размеренно, без всяческих последствий. Даже Ежов, который обычно был агрессивен, в это время был спокоен как никогда до этого. Последнее дерево сбросило свою

листву и даже иногда выпадал снег. Вот и наступил ноябрь, предвещавший приход зимы. Но ему Фёдор не был так рад, ведь, как оказалось, родители Кати переезжают срочно за границу, забирая вместе с собой и Катю, где её уже устроили в другой ВУЗ без её ведома. Катя и Фёдор последний раз решили встретиться перед уездом Кати в парке. Было холодно и окружающая погода не говорила, что тепло промелькнёт хоть на секунду. Но Катя и Фёдор были непреклонны, они желали встретиться друг с другом, попрощаться напоследок.

–Федь, это очень грустно, но я ничего не могу с этим поделать, я пыталась уговорить родителей, но никто, вообще никто даже на капельку ни поменял своего решения, даже папа, который всегда во всех начинаниях и стремлениях был за моё мнение. Я больше не знаю что делать. Я надеюсь, что мы ещё когда-то встретимся, я очень, очень, очень надеюсь – говорила Катя, пытаясь сдержать слезы.

–мы обязательно встретимся, обязательно. Я уверен, что судьба нас ещё не раз сведёт, если мы действительно нужны друг другу и наше совместное существование предопределено! – сказал Фёдор, пытаясь подбодрить Катю.

Они внезапно обняли друг друга и стояли, обнимая друг друга, продолжительное время, не хотя отпускать. Но время летит бешеной стрелой и Кате было необходимо собираться все свои вещи до завтра как можно скорее.

–пока, Федь, и знай – я тебя люблю и буду всегда любить.

–пока, Кать, я тебя тоже буду всегда любить и помнить

о тебе, ждать нашей встречи. Когда-то нас ещё обязательно сведёт судьба, я уверен.

Катя, посмотрев своими глазами в слезах на Фёдора тихо и медленно пошла к станции метро, чтобы добраться до дома. Фёдор стоял и смотрел на неё, провожая глазами.

– вот и осень прошла, забрав с собой дорого мне человека, – подумал про себя Фёдор.

Глава 3

Снова времена года, меняя друг друга быстрыми темпами, меняют и людей. Так же вместе с ними и поменялся Фёдор, привыкнув к учёбе и жизни в большом, кипящем людской суматохе, городе. Нить под названием судьба тянулась достаточно размеренно, день переходил в день и так бесконечно. Время летело, как казалось, с невероятной скоростью, прямо как голодный сокол в небе за добычей, но никаких значимых событий за этот период оно не предоставляло. Фёдор всё так же продолжал ходить в свой университет, всё так же продолжались конфликты с Ежовым, правда, были они незначительны: то ручку Илья украдёт у Фёдора, то толкнёт. Ничего не перерастало в какую-либо огромную конфронтацию. Само собой, время уже подступало к зимней сессии, которую в этом университете необходимо было сдавать и на первом курсе. Преподаватели выдали всё то, что необходимо для подготовки к ней. Многие из студентов не приступали к подготовке или выучили, но незначительно, а некоторые и вовсе, как, к примеру, Ежов, даже не приступали и время, которое могло быть потрачено на подготовку, израсходовалось на безделье и гуляние. Однако Фёдор в это время его зря не терял и учил фактически ежедневно, не пропуская ни единого билета, веря в то, что если он сможет выучить хоть и не все билеты, а только некоторую часть, то с большей до-

лей вероятности он сможет сдать сессию и рассчитывать на более высокую оценку, чем с теми знаниями, которые он получил за время учёбы.

Ходя в университет и изучая билеты, зима толкала мир к новому году и вот под самый праздник уже пришла пора сдавать экзамены.

Придя в университет, он стоял в коридоре, ведь он был во второй группе, пока первая сдавала. Он был в волнении и некотором ступоре, но самое главное – он был уверен в своих знаниях и ни капли в них не сомневался. Вот пришло время и Фёдору заходить в аудиторию сдавать сессию, чтобы наконец поехать домой к родным отмечать новый год. Он вошёл кабинет и вытянул один из билетов, лежащих на первой парте и сел за парту, стоящую в самом конце кабинета. Фёдор по началу, когда стоял в коридоре, не заметил, что был в одной группе с Ежовым и только сев, увидел его недовольный взгляд на себе. Фёдору выпал билет, который он знал и как камень у него упал с души, увидев те вопросы, которые находятся в билете. Идёт время, идёт, Фёдор уже подготовился полностью.

– вот и мой черёд. С Богом, – подумал про себя Фёдор.

Фёдор отлично ответил на все вопросы, которые были в билетах, за что и получил заслуженную отличную оценку. Однако следующим после Фёдора шёл Ежов, который ответил ужасно, но преподаватель, пожалев Ежова, поставил ему тройку, наругав за неучение и беспринципность. Ежов вы-

ходил из аудитории с чувством мести и ненависти. Он заметил, что Фёдор ещё одевается и выходит из университета. Тогда Ежов, быстро схватив и накинув на себя свою куртку, помчался за Фёдором. Выйдя на улицу, оглядываясь по сторонам, он изначально никого не заметил, однако когда второй раз посмотрел налево, то увидел Фёдора заходившего за угол. Ежов помчался к нему, но подскользнулся и упал на лёд, отчего его руки стали болеть неистово не только от падения, но и от холода. Тогда злость охватила Ежова, как охватывает человека душевная боль и уже не отпускает. Он встал и вновь побежал. Он забежал за угол, но Фёдора там не было. Он пригляделся и заметил, как Фёдор переходит дорогу и идёт к парку. Ненависти Ежова не было предела.

– вот ведь чёрт проклятый! Ещё вздумал уходить. Сейчас он у меня за всё поплатится.

Ежов побежал со скоростью ветра, не видя никого и ничего вокруг через дорогу, даже не дойдя до пешеходного перехода.

Но тут его сбивает машина, успев вовремя затормозить. Ежов падает на асфальт спиной. Его ещё сильнее переполняет злость. В то время из самой машины выскакивает водитель и подбегает к Ежову.

– вы в порядке? Куда же вы бежите!?! – спросил водитель.

– отстань! Не до тебя сейчас, – ответил Фёдор.

– ишь ты косноязычный какой! Сейчас мы разберёмся.

Но Ежов не слышал и не видел ничего вокруг, его ниче-

го не интересовало, кроме как догнать и справедливо по его мнению наказать Фёдора. Он слепо следовал своей цели, как хищник, настигающий свою жертву. Он встал и вновь побежал, только с ещё более быстрой скоростью. Перебежав дорожку и сбив по пути пенсионерку, он вбежал в парк, где среди мирно гуляющих людей, он не увидел Фёдора. Ежов разозлился и не знал, что делать теперь. Он ударил кулаком со злости близстоящее дерево. Из его руки потекла кровь, но ему было без разницы, ведь даже такой удар ему не помог, так как у него была в данный момент только одна цель – наказать Фёдора и ничто другое. Но вдруг в его глазах вдали замелькал человек, очень похожий на Фёдора. Ежов рванул туда, сбивая всех прохожих на своём пути. Он догнал этого человека и схватил за шею.

– вот ты и попался, дружок!

– что? Вы кто!?

Но этим человеком оказался неизвестный мужчина тридцати лет.

– ой! Извините, пожалуйста, я, кажется обознался.

И Ежов побежал от этого места куда глаза глядят как можно скорее. Он вышел на какую-то улицу, на которой доселе не бывал.

– твою мать! Теперь я точно его не найду. Сукин сын! – подумал Ежов в своих мыслях.

Но совсем неподалёку, почти напротив через дорогу, проходил Фёдор.

–опа-а. Вот это называется фортануло, – сказал чуть слышно Ежов.

Он побежал вновь, как на прошлой улице, через дорогу, игнорируя все автомобили и крики озлобленных водителей. Он моментом настиг Фёдор, уцепившись в его шею и давя её всей своей силой. Он не думал ни о чём совсем. Жажда "наказания" была сильнее всякого разума.

Фёдор тяжело повернулся и увидел лицо Ежова и тогда выкрикнул:

–что тебе опять от меня нужно?

–ты виноват, что на меня накричал препод, что меня из-за тебя сбила машина и я чуть не попал в драку, мразь!

–это всё виноват только ты, я не могу быть к этому причастен. Вини только себя!

–ну ты договорился, малой. Получи, ублюдок. Заслужил.

Ежов стал бить Фёдора по лицу кулаком с такой животной злостью, что навряд ли такая злость может настигнуть просто так ум человека.

–помогите! Люди! Ну! – кричал Фёдор, пытаясь вырваться из-под ударов и руки Ежова.

Но никто из прохожих не желал вмешиваться в драку, обходя её стороной, будто не видя, что происходит и думая каждый про себя, что это не их дело или то, что поможет кто-то другой, а не они, оправдывая себя, что им нужно куда-то торопиться или у них очень важные дела.

Фёдор понял, что дожидаться помощи ему не придётся. И

тогда он со своего внезапного для него раздражения ударил в живот с размаху Ежова, что тот аж свернулся со стоном, отпустив Фёдора. Но Фёдор предпочёл не оставлять дело недоделанным и ударил Ежова ещё раза два в висок. Тот упал, крича какие-то еле разборчивые маты, а из носа у него пошла кровь. Фёдор, вдруг осознав, что сделал, в резко окутавшем его шоке побежал в неизвестном направлении. Он добежал до православного желтокуполинного собора, ранее ему не встречавшимся, на котором раздавались вовсю колокола. Он встал перед ним, смотря вверх и ловя тихо падающие на его лицо снежинки, разглядывая саму церковь вдоль и поперёк. Так смотря на неё, он впал в мысли на некоторое время, но холод быстро их отогнал и вернул Фёдора в реальность. Он осознал и прикинул, что находится недалеко от своей остановки трамвая, но идти обратно ему было не вариант, так как не хотел вновь встретиться лицом к лицу с Ежовым. Он решил пойти другим путём, который был ему неизвестен, но по его мнению был вполне логичный. И вправду – через минут пять ходьбы он вышел снова на ту же дорогу и пошёл уже к следующей станции пешком. Фёдор, стоя на ней и смотря в одну точку размышлял о разных событиях, произошедших за весь год, но его размышления были сорваны приехавшим неожиданно быстро трамваем. Зайдя в него и доехав до своей станции, а после и дойдя в свою квартиру, он начал собираться в отправление в свою родную деревню, к своим родным

Так и прошёл день, промчавшись как миг. Фёдору уже надо было через несколько часов садиться на поезд до города, чтобы приехать в свою деревню и отметить новый год вместе со своими родственниками. Все билеты уже были куплены и ему что оставалось теперь – добраться до станции, в которую он когда-то приехал из малого города, в котором учился в школе, чтобы учиться в большом в университете. Так как метро было закрыто в это время, а почти все автобусы и иной общественный транспорт не работал, ему пришлось вызвать такси. Приехал к нему машина с усатым дядькой за рулём, который по дороге рассказывал всякие смешные истории из жизни под музыку из радио. Когда он добрался, вышел из такси, до поезда оставалось совсем немного времени. Он захватив чемодан, помчался к перрону, где уже оказывается стоял состав и ждал всех пассажиров. Фёдор вошёл в него и показав билет кондукторше, прошёл на своё место, которое находилось у окна. Поезд ждал своих пассажиров примерно около получаса. За это время к нему каким-то магическим образом присел странный, но очень харизматичный мужчина с чемоданом в руках, в солнцезащитных очках, в расстегнутом пальто, под которым был модный темно-малиновый пиджак, одетый на белую рубашку. Он посмотрел на Фёдора, подняв брови, однако из-за очков не было видно его взгляда, потому от этого Фёдору становилось чуть жутко.

–вы тоже до Твери? – спросил мужчина с интересующийся интонацией.

–да... А вы откуда знаете? – спросил в ответ Фёдор.

–а я заметил в билете у вас, пока стоял за вами.

–очень интересно. А зачем вы смотрели в мой билет?

–вы следуете в деревню Черново, мне показалось.

–что? Как? Откуда у вас эта информация? Как вы поняли это? И вообще... Откуда вы знаете про эту деревню?

–держите, – мужчина передал Фёдору бумажку с номером телефона и единственными словами "Ферма. Черново"

–что это?

Неизвестный встал, поправил очки и сказал:

–прощайте. Ещё встретимся.

После этого он, захватив свой чёрный, прямо как его пальто, чемодан, обитый кожей и ушёл в конец вагона. Фёдор посмотрел туда, но мужчины уже не было.

У Фёдора резко заболели глаза и он решил их прикрыть на пару секунд, чтобы расслабить, а когда он их открыл, поезд уже приехал к необходимой станции.

Глава 4

Как же славно отмечать новый год в кругу семьи, особенно когда она вся в сборе! Все веселятся, пьют шампанское, а на следующий день многие спят лицом в салате, а кто-то спит на полу или сидя. Так или иначе – спят все, встретив новый год. Так и Фёдор встретил новый год вместе со всеми своими родственниками, многие из которых приехали даже из дальних городов. Но на утро все спали, только Фёдор, выпив лишь бокал шампанского, встал спокойно и раньше всех. Ему было очень скучно; он пытался отжиматься, заниматься какой-никакой физкультурой, но скука никак не уходила. Тогда Фёдор вдруг вспомнил про ту встречу перед новым годом в электричке с неизвестным мужчиной, который дал записку. Фёдор искал эту записку почти во всём доме, в каждом уголке, но так и не нашёл. Опечалившись, он пытался вспомнить, что там было написано и наконец вспомнил о ферме, но номер так и не смог поднять из своей памяти.

–ферма? Так... У нас тут есть только одно заброшенное бывшее производство, где выращивали куриц, коров, свиней. Что он там делает? Это бездомный? Тогда почему он был хоть странно, но прилично одет, а вся одежда была идеально чистой и выглаженной? Очень интересно. Почему именно то здание? Думаю, стоит сходить и узнать, если он, конечно, сейчас там.

Фёдор, накинув на себя ту одежду, которая была перед его глазами на вешалке в прихожей, захватил с кухни нож, положив в карман куртки, вышел из дома, тихо и очень аккуратно закрыв за собой дверь. Он пошёл по дорожке, которая проходит через небольшой лесок и ведёт как раз к ферме. Она была уже засыпана снегом, но видно, что по ней не раз ходили, скорее всего, как обычно, бегали дети играть в то заброшенное здание. Он пошёл по ней. Сверху с небес шёл тихонько небольшой утренний снежок. На улице было не так холодно как бывает в такое время. Удивительно тепло. Он вышел к обшарпанному белому кирпичному хлеву, у которого уже обвалилась крыша, стоящему на берегу какого-то заросшего болота. Он подошёл к зданию и начал осматривать всё вокруг.

—ау! Тут кто-нибудь есть? — сказал Фёдор.

Но в ответ следовала лишь тишина и небольшой гул собственного эха Фёдора. Фёдор, ещё походя и поискав этого человека, так и не нашёл никого. Ему уже это показалось глупой шуткой и он решил пойти домой. Однако на обратном пути ему встретился тот самый мужчина, только теперь в шляпе с птичьим, скорее голубиным, пером и с сигаретой в зубах.

—о! А вот и вы. Я знал, что вы придёте, — сказал с бодрой интонацией незнакомец, чуть приобняв Фёдора правой рукой и в тот же момент отпустив.

—да? — удивлённо сказал Фёдор.

–да. Впрочем, какая разница, когда все счастливы? Или не так? Что же вы прищурились? Я не прав?

–правы,-сказал недоумевающе Фёдор.

–не бойтесь, мой друг. Я абсолютно безопасен и вам готов помочь, а по вам видно есть чему помогать, – сказал ухмылившись таинственный незнакомец. Вы такой уставший. А ведь праздник прошёл, а вы даже не отдохнули. Не дело!

–да нет. Всё в порядке.

–нет-нет! Я же всё вижу: вы устали, вам нужен отдых. Вы заслуживаете его, как никто другой.

–возможно...

–ох! Как же я мог забыть. Я же не представился. Представляете такое недоразумение? Меня вот зовут Хорал, я сам живу далеко отсюда, но приезжаю погостить в это место и в Питер, часто по делам. Тут красиво, да? А вас, мой друг, я так понимаю, зовут Фёдор. Редко сейчас такое имя встретишь.

–что? – удивился Фёдор. А откуда вы знаете моё имя?

–я его тоже увидел на билете. Там столько интересного оказывается. Сколько же информации о нас попадает в руки совсем не тем людям. Целые корпорации собирают информацию о нас тысячами. Знают о нас, пожалуй, больше чем мы сами. А нам и спокойно, живём в иллюзии свободы. А она есть по-вашему? Вот именно – её нет. Ты всегда в цепях чего-то или кого-то. Твоим мнением манипулирует СМИ, власть, общество, черт возьми, ставит тебе рамки. А ты до-

волен. Какая недалёковидность людей, бегая за призрачным счастьем, навязанным обществом! Жить в бетонной серой клетке, завести семью, работа, деньги... Тьфу! Свобода тут она, понимаешь, вот прямо перед тобой. Лес – вот что человеку нужно. Уединение с природой и со своей головой. Кхм-кхм... О чём это я... Совсем заговорился, друг мой. А вы очень даже хороший слушатель, могу признать.

–благодарю. Но для чего наша встреча тут?

–ну, во-первых, будем на ты, чего нам стесняться друг друга и общаться на тонах якобы высшего света нашего общества, соблюдая какие-то предписанные нам нормы приличия? Вот и незачем нам это. Во-вторых, мы же с вами очень даже похожи...

Но тут внезапно Фёдор прервал диалог и недовольным громким голосом произнёс:

–вы меня надурить решили, да? Вы меня пытаетесь заговорить? За дурака держите? Я не сомневаюсь, что вы какой-нибудь аферист! Всё говорит об этом.

–ну, ну, ну, что же так резко. Я, может, и хочу поговорить, причём очень даже сильно, но явно не в целях одурманить. У меня к тебе более важные вопросы, скорее, даже у тебя ко мне. Зачем же мне обманывать и лгать?

–вот этого и не знаю! Досвидания, – тут Фёдор развернулся и резко пошёл в сторону дома, но Хорал обогнал его и преградил дорогу.

–достаточно! Вы хотите, чтобы я вызвал полицию?

–ха-ха-ха,-тут Хорал расхохотался,- Ты серьёзно думаешь, что полиция тебе поможет? Если ты им и скажешь про меня, они подумают лишь, что ты какой-то псих да и разве местный участковый будет разбираться в этом деле, а? Со всем город портит людей, что даже в реальности забываются. Перестань валять дурака и строить из себя высокомерного человека. Просто выслушай.

–что я должен слушать!?

–меня послушай. Я тебя позвал сюда не просто так, пойми. Наша встреча не случайна. Но, впрочем, я тебя здесь не держу. Можешь идти.

–да? Ну и зачем же ты меня сюда позвал?

–осознай же, прими, что нельзя бегать от проблем, они же тебя всё равно рано или поздно настигнут. Не лучше ли мужественно их осилить? Легко смириться с неудачей, гораздо труднее выстоять хаос.

–звучит как обычное плешивое пособие по жизни для недалёковидных детей.

–твое право считать как желаешь, но если ты хочешь быть неудачником постоянно, то это твоё дело.

–досвидания! -недослушав выкрикнул Фёдор и ушёл от этого места прочь быстрым шагом, совсем не оглядываясь назад.

На улице уже было совсем светло и снег прекратил своё падение на эту бrenную землю. Фёдор, пройдя шагов тридцать, всё – таки решил оглянуться, не идёт ли за ним Хо-

рал, но сзади уже не было никого, лишь умиротворяющая тишина и иногда прерывающие её пения птиц раздавались вокруг. Фёдор постоял ещё минуту, не понимая что произошло и глядя туда, как будто ожидая и надеясь, что Хорал ещё там. Но так никого и не увидев, последовал обратно домой. Придя к деревенному старенькому дому, он, отряхнув ботинки о ступеньки, открыл дверь и вошёл домой. Гостей на тот момент уже в доме не было, но его поджидали уже на пороге родители.

—Фёдор, как так можно! Уходить и не предупредив никого. Мы тут уже разволновались все, -сказала мать Фёдора.

—да я решил просто проветриться после вчера, вот и пошёл погулять.

—больше так не делай. Предупреждай, когда уходишь.

—хорошо.

Фёдор, раздевшись, сев за стол, сытно поев приготовленный наваристый суп, пошёл в спальню, лёг отдохнуть, закрыл глаза и заснул крепким сном младенца.

Ему снилась церковь, Хорал, снег, поезд. Так он проспал до утра, чем вновь озадачил родителей. Разумеется, столько спать сможет явно не каждый. Проснулся он в холодном поту как после страшного кошмарного сна. Но проснувшись, он уже ничего не помнил, никакой из тех снов, которые были ночью. Все они растворились из его головы и остатки унесло безвозвратно прямо как в быстробегущей речной воде.

Время однако беспощадно шло и время новогодних кани-

кул рьяно, быстрыми темпами подходило к своему вполне логическому завершению.

Теперь Фёдору предстояло добраться обратно в Санкт-Петербург, чтобы продолжить дальнейшее обучение.

Он приехал в Тверь, чтоб оттуда поехать далее в необходимый ему город. Сев на станции в свою электричку, так же обосновавшись у окна, к нему подсел мужчина, очень похожий на Хорала. Фёдор посмотрел ему в лицо.

—что? – сказал недоумевающе мужчина.

—извините, я перепутал.

Но это оказался совсем другой человек, одетый в ту же одежду, с тем же чемоданом, будто этот мужчина и Хорал близнецы.

Дальнейшая поездка оказалась совсем без происшествий и Фёдор благополучно добрался до Петербурга. Тут он вышел из вагона длинного состава, вышел из здания вокзала и дошёл до такси, где и заказал одну машину напрямик до своего подъезда.

За рулём оказался мужчина, одетый вновь так же как Хорал. Фёдор был испуган, но всё-таки поехал с ним. На улице была уже снежная зимняя холодная ночь. Доехав до дома и зайдя в подъезд, он обнаружил там кромешную темноту. Он стал подниматься по лестнице, но внезапно оступился и упал. Тут из лифта выходит мужчина лет тридцати пяти, проходя мимо Фёдора, он никак, ни глазом не смотря на него, произносит слова:

—смирись. Смирись и всё.

Фёдор был совсем напуган и хотел как можно быстрее добраться в свою квартиру. Он быстро, в спешке стал подниматься и побежал в лифт. Доехав до своего этажа, он вошёл в свою квартиру и так же быстро запер её. Раздевшись на скорую руку, он рухнул на кровать как гром среди ясного неба и уснул.

Проснулся он на утро с ужасающей головной болью и слабостью. Благо у него был градусник, который ему ещё положили в сумку родители при первом приезде. Он смерил температуру, которая оказалась намного больше нормы. Тут Фёдор понял, что серьёзно заболел. Но он решил не идти к доктору, надеясь справиться с недугом самостоятельно. В первое время после обнаружения у себя болезни, он всё равно собирался идти в университет, но сообразил, что всё-таки это будет лишним и не стоит при больном теле ходить на учёбу. Однако Фёдору было необходимо купить лекарства, коих у него было совсем немного и из-за этого лечение шло куда хуже. Он накинул на себя всё, что попало под руку и пошёл в аптеку, которая на радость Фёдора находилась совсем неподалёку. Закупившись лекарствами(правда только теми, что ему продали без рецепта), он пошёл домой, где приняв лекарства, лёг спать.

Так проходил мимолётом день за днём, сменяя друг друга поочередно, а за днями шёл и месяц, второй, но состояние Фёдора было всё так же не очень. Но всё-таки ближе к концу

второго месяца он начал идти на поправку, его самочувствие становилось всё лучше день изо дня и у него уже появлялись силы делать что-либо, правда, часто его мучали кошмары и какие-то неясные голоса в голове, тревожавшие его время от время, но его, видимо, такое состояние вовсе не мучало, да же, скорее, наоборот давало причины на дальнейшую борьбу против своей слабости и всего мира в целом.

Глава 5

И вот когда он уже совсем окончательно выздоровел от той болезни, которая привязалась к нему на целых несколько месяцев и никак не хотела отпускать от него свои жадные и сильные лапы, он решил, что пора идти в университет, начать вновь обучение. Однако вдруг, совсем неожиданно он услышал звонок своего телефона. Он подошёл к нему. Там была надпись, которую записал ещё в начале учёбы – "университет". Он аккуратно, чуть дрожа ответил на звонок, поднося телефон к уху.

–алло, – сказал недрумевающим голосом Фёдор.

–здравствуйте! Это же вы Фёдор Иванович?

–да, я.

–из-за продолжительного отсутствия в учебном заведении и стабильном непосещении пар, мы вынуждены вас исключить.

–что? Как!?! Я же болел! – взволнованно и непроизвольно закричал Фёдор в телефон.

–мы вам звонили несколько раз, чтобы предупредить, что вы на грани отчисления, но вы не брали трубку. Больше ничем помочь не можем.

Фёдор в шоке отключился от вызова и кинул телефон на кровать. От этих новостей он аж побледнел, а на его глазах была заметная дрожь. Он, сам не понимая, что, зачем и ку-

да, резко подбежал к двери из квартиры, взял куртку, отпёр дверь и так не стал её запереть на ключ, пошёл, даже можно сказать побежал, потому что скорость его шага, пожалуй, была намного ближе к медленному бегу, нежели к ходьбе. Подойдя к двери, ведущую из дома, он тревожно и быстро стал нажимать на кнопку её открытия, даже когда стал издаваться характерный писк из неё. Но на пятый раз нажатия он неожиданно остановился, открыл дверь пинком, что аж гул от удара разошёлся как гром по квартирам нескольких первых этажей. Он вышел на улице, даже забыв застегнуться. Его холод не волновал, он его вовсе не чувствовал. В его взгляде была видна вечность или, лучше сказать, этот самый взгляд был направлен в никуда, а из самих глаз проступали слёзы то ли от печали, то ли от злости, то ли вообще от холода. На подступе к выходу из двора он сменил тот самый быстрый шаг на бег и помчался вперёд, не разбирая куда и по какой причине. Он бежал, ускоряя свой бег, сбивая пешеходов на своём пути. Вокруг него стоял шум и крики от негодования тех людей, которых он снёс своим бегущим телом и тех, кого он мог бы снести с пути, но они вовремя среагировали и увернулись от быстрого бессмысленного бега Фёдора. Так и бежав далее, он споткнулся об сосульку, которая лежала на тротуаре, именно она стала тем самым камнем преткновения для дальнейшего его ничем не останавливающегося бега. Его нога зацепилась об скользкую форму сосульки и не смогла её преодолеть, ведь сила примёрзшей сосульки оказалась мощ-

нее, чем сжатая в мышцах нога Фёдора. И он упал. Падая, в мыслях у него пролетали моменты всей жизни: его нелепое детство, хорошее школьное время и противные учителя, недавние происшествия. Всё пролетело перед его глазами, будто оно вывалилось из его мозга и стало явью, физическим объектом, а потом вновь закатилось обратно в голову своего владельца. Но это время невесомости и проявления мыслей длилось совсем недолго и Фёдор наконец упал на холодный снег, лежащий на мостовой, ударившись об него подбородком. Он не пытался даже помешать своему падению руками. Они как будто в этот момент онемели, их прихватила судорога и ни в какую не давала их проявить перед собой. Фёдор после падения не стал вставать. Он лежал так ещё пару минут, многие люди, проходя мимо него, не обращали на лежащего человека ни малейшего внимания, а некоторые и вовсе переступали валяющиеся тело, будто бы это тело и не тело совсем, а какая-то очередная сосулька, упавшая с крыши и никому и никак не нужная. Но всё же он смог осилить себя и встать. Он дрожащими от слабости руками поднимал своё такое же слабое тело. Но когда встав, его вновь окутала внезапная сила и он продолжил бежать далее. Он бежал так несколько километров, по пути так же сбивая пешеходов, пробегая на запрещающий сигнал светофора и мешая езде автомобилей. Но в конце концов усталость его взяла вверх, и когда он уже был у неизвестной заброшенной стройки, он упал на колени у разрисованного металлического забора и

начал быстро дышать, смотря вниз на снег. Из его рта шёл дым от холода, горло окутывал мороз, а нос и вовсе закладывался непробиваемой пробкой. Рядом на стройке слышалось как бегали, воровали ещё оставшееся железо какие-то люди, по возрасту казавшиеся едины с Фёдором. Вдруг один из них заметил Фёдора со второго этажа и позвал всех остальных следовать к тому месту, где сидел утомлённый Фёдор. Они спустились и торопливо, но бесшумно пошли к нему. Подойдя к нему, один из той компании разбежался и прыгнул двумя ногами на Фёдора. Фёдор упал на снег, проехав по нему носом пару сантиметров. Вся компания засмеялась.

– ну что, попался, дружок? – крикнул всю глотку пнувший Фёдора.

Фёдор, не слушая, что говорят и мало обращая внимание на то, что происходит, повернул свою голову в сторону стоящей компании и увидел того, кто его пнул. Им оказался Илья Ежов, у которого по лицу была заметна нескончаемая злоба.

Вдруг из компании были слышны весёлые крики:

– давай уже, бей!

– да-а, давай, – поддакивал кто-то сиплым голосом.

– сейчас, пацаны, всё сейчас будет, – улыбаясь отвечал им Ежов.

И тогда он с разбегу ногой пнул прямым ударом в лицо Фёдора, что тот аж от такого удара подлетел по инерции вверх и упал на спину. Тогда Ежов решил продолжить своё дело и не останавливаясь бил по Фёдору с неистовой силой.

–ну как? -кричал с упоением Ежов, а из толпы доносились крики:

–туда его! Правильно! Ещё!

Но на несчитанное количество раз, Ежов остановился, чтобы убедиться в качестве выполненной им "работы". Фёдор валялся почти без сознания, из его носа и рта шла кровь, стекая на белоснежный снег, но ядовитая улыбка, которая была, скорее, из-за злости, не слезала с лица Фёдора даже после яростных ударов и боли.

–ты что лыбишься, дятел? – спросил в негодовании Ежов.

Но ответа не последовало. Фёдор продолжал лежать в полусознанном состоянии с улыбкой, растягивающейся по всей ширине рта.

–я что, что – то непонятно сказал? -начал кричать Ежов, что было, впрочем, так же бесполезно. Но кто-то его сзади схватил за руку и поволок.

–всё, хватит, пошли давай, забей на него, – говорил Ежову его друг, продолжая тащить за руку.

Ежов не сопротивлялся попыткам своего товарища забрать его и шёл вместе со своим другом, лишь выкрикивая оскорбления в адрес Фёдора, который уже и так лежал в окончательно бессознательном состоянии.

Время шло, даже, можно сказать бежало, пока Фёдор лежал в бессознании. Для него минута была секундой, а час минутой.

–где? Что? -сказал про себя Фёдор, очнувшись в снегу с

застывшей кровью на губах.

Он привстал на одно колено, положив на него обе руки и подняв голову, чтобы оглянуться. Его голова пошла кругом, в его глазах картинка разошлась на две части и стала ходить по одному и тому же циклу, чуть сходя с траектории. Но всё-таки уже через минуту всё окончательно стабилизировалось и шатание картинки в глазах наконец успокоилось, встав на своё прежнее место. Фёдор, недолго думая, встал на обе ноги, которые, к его удивлению, даже не отмерзли и были готовы продолжить путь. Но Фёдор не хотел возвращаться домой или идти в город. Его тянуло в лес, туда, где покой и умиротворение.

– а может... Да и чёрт с ним. Пойду в лес. Прав был Хорал! Прав же! Одни нелюди кругом, а лес – спасение души моей колотой. О, да! Туда, в лес, в дом мой, – несвязнно, задыхаясь произнёс про себя Фёдор.

Он пошёл вдоль забора, в то место, где начинался сосновый бор, который даже, скорее, был не полноценным лесом, а парком, который ещё не успели обустроить для людей. Однако по нему уже несколько веков ходят и используют для своего назначения люди. Там была проложена тропинка, идущая прямо под соснами, рядом с множеством кустарников и прочей растительностью, именно с ней Фёдор решил начать свой путь по лесному массиву.

Он шёл между этих гигантских деревьев с неистовой пугающей высотой, он шёл туда, куда сам и не знал. Его путь

был неизвестен даже ему. Он следовал по маршруту, по которому ведут его ноги, а вели они его по тропе, вытоптанной тысячами ног, но, право, немного заметённой свежим снежком. Но вдруг ему на встречу попался какой-то мужчина, задумчиво, как бы по-философски, смотря в снег, протапывая его своими мощными солдатскими берцами. Но издали было не совсем хорошо видно его физиономию и одежду, потому Фёдора этот мужчина и не смутил вовсе. Но внезапно этот мужчина ускорил шаг, вплоть до полубега и стал немедля приближаться к Фёдору. Фёдор заметил это и в испуге остолбенел на месте, уже мешкаясь в мыслях о побеге с этого места прочь обратно в город. Но неожиданно раздавшийся голос этого мужчины успокоил Фёдора, забрав испуг отчисленного студента. Это был Хорал, идущий с сигаретой в зубах, черной шляпе и в красном плаще.

–Хей, друг! Здравова.

–да...-взволнованно ответил Фёдор, не особо раздумывая над ответом.

–испугался, вижу. Ну, да не суть. Всё – таки послушал меня, да? То-то оно! Я знал, что ты сюда придёшь.

–чего? Я вообще – то пошёл просто прогуляться, подышать свежим воздухом.

–не ври себе, ты сбежал сюда от этого грязного и чёрствого города, от тех людей, с которыми тебе не по пути. Тебя же достало всё это? Достал этот город, люди достали в нём? Ну, ну, признайся же. Я всё понимаю.

–нет, говорю же – я гуляю.

–ну да, конечно, а я летаю, хе-хе. Ты оглянись вокруг – какая красота! Это же лучше ненаглядной жизни в коробке в огромном муравейнике, а? Чувствуется сила и зов души, ух!

–что ты несёшь? Ты вообще нормальный? Сам наверно живёшь в квартире и мне говоришь чепуху.

–какой ты злой всё – таки. Пытаешься доказать себе, что жить в долбанном комфорте и тепле лучше, хотя сам понимаешь, что тянет в лес, на природу и не хочешь верить своему разуму, пытаешься переубедить себя. Как же это жалко. Скоро ты осознаешь, что такое действительно жизнь.

Хорал, договорив, выплюнув сигарету, резко пошёл дальше, пока Фёдор стоял в исступлении и не мог пошевелить ни одной своей конечностью...

Глава 6

Фёдор, отойдя от шока, вызванного непонятным чувством и неизвестно почему возникшим, оглянулся вокруг себя, начал крутиться и смотреть назад, вправо, влево, но так ничего не обнаружил. Стояла тишина да и только. Он надеялся увидеть за собой Хорала, чтобы в своём внезапном исступлении спросить о чём-то, о чём сам не до конца понимал. Его голова на этот момент была вовсе пуста, её не заполняли никакие мысли, а только то, что было вокруг. Внезапно вся природа стала казаться не такой, как обычно, а будто бы она окрасилась в новые, более яркие краски. Этот мир становился лучше на глазах Фёдора, с каждой секундой он наполнялся светлыми тонами, но резко все эти краски исчезли и ничего от них не осталось, всё стало таким же серым, как и обычно. Тишина вокруг Фёдора расходилась всё больше, и даже пение птичек или шелест веток не был слышен. Всё моментом испарялось, как испаряется вода на жарком летнем солнце. Но что-то толкало Фёдора вперёд, дальше идти по той лесной тропе, ведущей в неизвестном направлении. И он пошёл. Ни страха, ни тревоги не было в его лице, даже грусти или задумчивости. Его ноги несли прямо, не сбивая ни шагу с тропы.

Где-то через километр пройденного пути (который был даже не замечен Фёдору, ведь в тот момент в его глазах вре-

мя шло иным чередом и имело не так уж и множество совпадений с внешним миром) дорожка, по которой он шёл всё это время, оказалась расчищенной, будто бы какой-то лесной житель с неистовым интересом расчищал её специально в надежде встретить хоть каких-то мимопроходимцев. И как раз – рядом, справа от дорожки была тропа, ведущая к небольшой покосившейся холупчонке, рядом с которой находился такой же покосившийся сарайчик с распахнутой дверью.

Фёдор в тот момент уже отошёл от того нападкa небытия и забвения, которое поразило его совсем недавно. Он смотрел на ту холупу и крайне был заинтересован в том, чтобы узнать, что за человек построил дом посреди леса и зачем. Он еле себя сдерживал от того, чтобы пойти туда, но страх чего-то неизвестного не давал этого, однако ноги Фёдора снова перестали слушаться своего боязливого хозяина и какая-то неведанная сила направила его к тому месту, где стояла та самая холупа, вновь притупив сознание Фёдора. Он подошёл к ней и постучал в старую дубовую дверь, но никто не открывал ему, тогда он решил постучать второй раз, но по прежнему никто не собирался даже подходить к двери и прислушиваться к заблудшему человеку. Фёдор, постояв так и подождав ещё некоторое время в надежде, что кто-то откроет ему, решил, что лучше откроет дверь, если она не заперта, и сам посмотрит, что там и кто там.

–ведь может кому-то будет необходима помощь, – подумал он.

И он дёрнул её со всей своей силой, что аж крючок, на котором была заперта дверь, вылетел из своего места крепления с характерным звонким звуком. Дверь распахнулась с неприятным громким скрипом петель. Фёдор заглянул вовнутрь, но внутри никого не было. Перед ним лишь показалась одна единственная комната на весь дом, в которой справа у стены стояла кровать, около неё стол и на нём старинный серебрянный самовар, слева, в красном углу красовалась икона Божией Матери, а справа от двери был развешен чеснок.

— бедненько, — подумал Фёдор, но тут же удивился, каким образом дверь была заперта на крючок изнутри. Но так и не найдя ответ на этот вопрос, он прикрыл дверь и пошёл посмотреть сарай, надеясь, что там-то кто-то, да будет. Но подойдя к нему, заглянув внутрь, он увидел темноту, ещё большую, чем в доме, лишь свет из маленького окошка освещал тёмное холодное помещение. В самом сарае тоже было довольно пусто, но в его конце стоял сундук, на котором лежала почётная грамота "лучший лесник Петербурга...", а на стене красовалось висевшее ружьё. Фёдор подошёл к нему, снял его с гвоздя, на котором оно висело и начал разглядывать, оборачиваясь иногда назад, чтобы вовремя, если что, повесить ружьё на место. Фёдор переломил ствол, чтобы посмотреть, есть ли патроны в нём, но там патронов не оказалось — оно было разряжено. Тогда он решил открыть сундук, посмотрев его содержимое, держа ружьё в руках. Он аккуратно

левой рукой снял с сундука лежавшую на нём застеклённую грамоту и приоткрыл его – благо сундук был не заперт. Открыв его окончательно, Фёдор увидел в нём лежавшую старую рваную красную рубашку, пару охотничьих ножей и две коробки патронов. Фёдор взял штук пять патронов для ружья, положив их в карман и закрыл сундук. Он обратно поставил грамоту тихо, как будто опасаясь чего-то, и чуть спеша, стараясь издавать как меньше звуков, покинул это место.

Он шёл по уже тёмной дорожке, но теперь он шёл уверенно ровной походкой солдата, не сбивая шаг, маршируя напрямиком к своей цели. Его цель была проста и одновременно крайне небезопасна – спрятать ружьё и патроны где-то в хорошем и главное запоминающемся месте. Он шёл и постоянно разговаривал сам с собой как в бреду, что тот разговор, пусть и очень тихий, но был похож на разговор двух совершенно разных людей.

–я жил всё это время беспросветной пустотой, меня постоянно окутывала тьма, вся моя жизнь и есть бесчётное количество неудач и преград. Меня абсолютно никто не понимал, я всегда был один, а каждый удар в моё сердце только укреплял меня и лепил из меня человека. Да, человека, точно, самого что ни на есть естественного человека! Но сейчас настало время понять, кто я есть в этом мире и чего стою, и решить судьбу, взять свою жизнь в кулак.

Ночной свет луны ярко освещал ветки давно безлистных деревьев, его тусклые лучи опрокидывались на снег, окуты-

вая и погружая уставшую Землю в ночь, готовя её к новому дню. Лесную тишину, бродящей между деревьев, прерывал только чуть слышный ветер и шаги Фёдора по мёрзлому хрустящему снегу. Шаг его был монотонным, даже спустя время не менял своего темпа ни по какой причине. Но сквозь разговоры с собой он подошёл к выходу из леса – к пустырю, откуда уже виднелись высотные дома, в которых спали своим непрерывным крепким сном сотни людей.

– где, где же спрятать? – задавался вопросом Фёдор, бормоча себе под нос в диком, внезапно окутавшем его волнении.

Но справа от него, в километре, был теплопровод, ведущий горячую воду в дома.

– вот тут место хорошее.

Он подошёл к нему и перелез на другую сторону. То место было заросше огромным количеством кустов, куда, по мнению Фёдора, никто не сможет пробраться. Он выложил патроны из кармана под трубу, потом ружьё, прикрыл это всё снегом и утрамбовал. Спустя пару минут он встал, так же перелез через трубу и пошёл в том же темпе, что следовал и до этого. Теперь он шёл домой. Он решил, что нужно отоспаться хорошо, чтобы встретить новый день в хорошем самочувствии. Он так прошагал, ничуть не устав, пару километров до своего жилища. Зайдя в подъезд, после и в дом, он вдруг, совсем неожиданно для себя вспомнил, что у него где-то валялась вырезка из Библии, но благо думать ему стало со-

всем не долго и вспомнил он о её нахождении быстро – она была под кроватью, куда он сам положил её месяц назад. Он, даже не раздеваясь, пошёл в спальню, залез под кровать и достал ту самую вырезку. Она вся была видно неаккуратно вырвана, скорее всего, собственными руками. На ней было написано: "И воспламенится гнев Мой, и убью вас мечом, и будут жёны ваши вдовами и дети ваши сиротами". Он положил её в карман, чтобы не забыть на следующий день. Так, пойдя обратно в прихожую, раздевшись, а потом обратно в спальню, он лёг спать...

Птицы щебетали за окном, предвкушая и чувствуя близость весны и утреннюю морозную свежесть. Солнце било через окно прямо в комнату, его не останавливали даже шторы, которыми Фёдор занавешивал окна. Сам Фёдор уже почувствовал приход утра и в выспавшемся бодром самочувствии встал с кровати. И даже не умывшись, он оделся и собрался уже идти на улицу. Время было самое то по меркам Фёдора. И он пошёл. Выйдя на улицу, он услышал более спокойный и размеренный темп городского шума, который уже не давил на уши, а, можно сказать, даже успокаивал. Он сел на первый трамвай и доехал до университета. Он знал, что один из бывших его однокурсников приходит на учёбу только в такое время, потому решил подждать его около здания. И Фёдор не прогадал – спустя полчаса ожидания, тот самый студент по имени Алексей Третиров, который был по совместительству ещё и приятель Ежова, явился к университету.

–хей, привет, постой.

–что? Что нужно?

–передай Николаю Ежову, что пусть приходит на пустырь в конце города около заброшенной стройки (он поймёт) к часу дня.

–больной совсем, что ли? Зачем?

–я всё сказал, -произнёс Фёдор и развернулся, не дослушав сказанные в ответ слова его бывшего однокурсника.

Фёдор шёл с неким самолюбием и гордостью за себя, шагая по тротуару, уже предвкушая этот день. В кармане у него так же лежала вырезка, которую он нащупал и достал, решив прочитать заново.

–и воспламениться...-говорил он вполголоса. Но так и не дочитав до конца пару слов, вновь сложил её и положил обратно в карман. Он решил пойти на пустырь и ждать Ежова там. Дойдя до пустыря, он подошёл к теплопроводу и, расчистив место для себя, присел. Так проходило десять минут, полчаса, час, но званного гостя всё так и не было. Фёдор от скуки изрисовал весь рядом с ним находящийся снег и даже успел раскопать яму под своими ногами. Но вдруг вдали увиделся силуэт мужчины в чёрной куртке и серой шапке. Он быстрым шагом приближался к Фёдору. Фёдор от такой неожиданности даже чуть видно улыбнулся, но в то же время моментом скрыл улыбку со своего лица. Мужчина приближался всё ближе и ближе, и вот когда он находился в пару метрах от Фёдора, стало ясно, что это точно Ежов, а не кто-

либо иной. Ежов встал перед Фёдором с привычным хмурым недовольным взглядом и произнёс басистым голосом, как бы специально занижая, чтобы утрашить Фёдора. Но реакции от Фёдора никакой не последовало, он лишь привстал, корыстно улыбаясь и видно радуясь приходу Ежова.

—чего ты лыбишься? Ты зачем меня сюда звал? Мазохист, что ли? Тебе мало было? -сказал недовольно Ежов.

—нет, сейчас я покажу тебе сюрприз. Ты, наверно, ждал его, -произнёс Фёдор, расхохотав после этого, но в тот же момент опомнился и пошёл к своему тайнику. Он голыми руками без перчаток начал разгребать снег под трубой. И вот, нащупав ружьё, схватил его, а за ним сразу же оголились на вид патроны, которые Фёдор схватил, не долго думая.

—что ты там ищешь? Ну ты и идиот конечно, -сказал Ежов, но при виде ружья растерялся и в недоумении, хоть и пытаюсь себе доказать, что это не может быть настоящее оружие, но в глубине души понимая, что это вполне возможно, продолжил:

—ну и что ты мне тут свою игрушку достаёшь? Ребёнок, что ли? -тревожно произнёс Ежов.

Но эти слова начинали всё больше раздражать Фёдора и его былое веселье постепенно переходило в гнев. Он взял два патрона в правую руку и, переломив ствол ружья, вставил их обоих разом как настоящий профессионал.

—ну, да, игрушка, внимай, -говорил Фёдор, не поднимая глаза на Ежова и закрывая ствол обратно. Но в ту же секунду

он поднял свои зрачки и начал смотреть не моргая прямо на Ежова, который на тот момент не знал что сказать. Так они и простояли минуту. Но вдруг Ежов в глубоком страхе сказал:

–ты что, шутишь? Ну ты и балбес.

–я? Шучу? Ха-ха-ха, -во весь рот расхохотался Фёдор и направил ствол на Ежова.

–встань на колени, быстро! – крикнул Фёдор.

–т-ты, что, в своём уме? -задыхаясь начал говорить Ежов.

–встал, кому говорю! Сейчас мы посмотрим, кто тут балбес.

Ежов послушно встал на колени как самый верный раб и не сопротивляясь никаким выходкам Фёдора, смиренно сложил руки на коленях.

–держи,-сказал Фёдор, сунув руку в карман, а после и достав, предварительно скомкав, ту самую вырезку. Он кинул её прямо под колени Ежова. Ежов подобрал эту бумажку и сказал:

–зачем?

–читай! Быстро, читай, тварь!

Ежов был оскорблён таким поворотом событий, но решил промолчать. Он развернул бумажку и стал читать дрожащим голосом, запинаясь и начиная сначала:

–и...воспламенится гнев...мой...

–быстрее!

Ежов поднабрал воздуха в лёгкие и смог через силу дочитать.

—отлично, ха-ха, прекрасно!!! А теперь извиняйся за всё!
-смеясь произнёс Фёдор.

—он больной, безумец точно, — думал в мыслях Ежов, но не став перечить, начал извиняться:

—извини за всё, что я делал... в чём не прав... извини.

—ух ты! Ха-ха-ха, -хохот Фёдора становился всё пуще, вместе с тем примножая гнев внутри его.

—попрощайся! -крикнул Фёдор и не дав ничего ответить Ежову, нажал на курок и выстрелил ему в голову.

Патрон, влетев в неё, разорвался в ней же и куски черепа с мозгами разлетелись по сторонам. Кровь залила записку и небольшой осколок черепа, упав на неё, закрыл большую часть текста. Тело Ежова от силы выстрела отлетело назад, что аж при попадании чуть привстало с колен и упало на спину.

Фёдор стоял в иступлении. Он смотрел на хлынувшую кровь из головы Ежова и не понимал, что только что в данный момент произошло. Но вдруг его окутал резкий холод, его руки онемели и выронили ружьё, а сам он упал на колени и выпучил глаза, притупив голову, наведя свой взор в снег, но его взгляд был совсем не на него, он был, скорее, пустым, смотревший в никуда.

—что я наделал? Что я наделал? Что я наделал? -заполнили мысли голову Фёдора, и он, не выдержав таких внутренних мук, схватил ружьё с патронами и побежал в лес, в самую глубь, далеко от этого места. Он добежал до какой-то

небольшой лесной речки, которая беспрерывно текла и шумела своим вечным водяным потоком. Он подошёл к самому берегу и прицелившись на глаз, кинул в самое сердце реки ружьё вместе с патронами. Он глядел на то место, куда бросил это всё, особо не задумываясь, что происходит и происходило, а после упал спиной в снег.

— великое небо. Так спит, так красиво! Всегда бы смотреть на него. Вот бы туда, но так высоко... - тихо проговаривал Фёдор, не отводя взгляд от голубой выси.

Но глубокое успокоение и окружающее умиротворение природы продлилось недолго и Фёдор пришёл в себя уже через пару минут. Теперь его мысли окутывал беспрерывный страх, а в глазах виднелась нескончаемая беско нечность. Лес внезапно начал окутывать белейший снег, который уже давно не падал на брентную землю...

Глава 7

Он думал, куда и как теперь ему идти. Его окутывала с каждой секундой жесточайшая тревога и постоянные навязчивые мысли о содеянном. Он одновременно хотел исчезнуть из этого мира навсегда и одновременно продолжить своё существование. Все эти думы сплелись воедино и превратились в недюжинный клубок из разных мыслей, противоречащих друг другу, а иногда и не имеющих даже точек соприкосновения. Но Фёдор перестал думать и, хоть находясь в подавленном уме, продолжал осознавать окружающую действительность, которая уже казалась ему крайне враждебной.

Снег вокруг шёл огромными хлопьями, замечая следы, ведущие к Фёдору. Он, чуть поразмыслив, а точнее поймав мысль, которая мгновенно в ту же секунды зацепилась за мозг Фёдора, что пора идти в другое места, пока дорожку засыпает снегом.

И он пошёл, решив обойти лес с другой стороны и выйти за километры от того места происшествия. Пока он шёл, он услышал и вдали увидел человека, который бензопилой пилит молодые сосёнки. Фёдор очень сильно испугался, хотя никакой опасности тот человек для него не представлял. Кажалось, что Фёдор стал бояться каждого встречного теперь и видеть абсолютно во всех людях какой-то подвох, что, мол,

они знают всю истину по глазам, но скрывают из-за благородия. Потому он при виде того мужчины завернул налево и пошёл ещё дальше, все больше приближаясь к городу.

Вот уже завиделись торчащие из-за хвойных стройных деревьев бетонные высотки, и Фёдор сообразил – он в страшном для него месте, а значит ему необходимо как можно в кратчайшие сроки найти укрытие и не появляться нигде, ведь есть огромная вероятность мгновенной его поимки. Он, несмотря на всю мысленную тьму в его сознании, вполне прекрасно понимал, что, скорее всего, в ближайшее время распросят студентов университета, в котором учился Фёдор, и обязательно узнают, что он звал Ежова зачем-то, и все подозрения сразу же падут на него. Он думал, куда может он идти, но так и не смог додуматься, однако спустя некоторое время стояния на одном месте в мыслях посреди сосен, он понял, что может пойти к своему старому доброму другу, с которым познакомился ещё во время учёбы в школе, живущему в Петербурге. Он был старше Фёдора на пару лет, но они очень хорошо смогли сдружиться позапрошлым летом. Но всё же с тех пор они даже не виделись, однако хорошо знали адреса друг друга, особенно Фёдор, у которого изумительная память, смог запомнить надёжно адрес своего друга. Теперь его окутала, хоть и ненадолго, уверенность, но позже отпустила и о себе вновь дала знать та же нерешительность и тревога. Теперь же ему предстояло идти к своему другу, ведь иных вариантов он не предусмотрел да и думать было

для него в те моменты достаточно проблематично. Он шёл по улицам Петербурга, не обращая внимания на свой странный внешний вид и поведение: он шагал с покошенной на бок шапкой и поднятым вверх до предела правым рукавом, по пути разговаривая с собой о странных вещах, бормоча под нос то заученные стишки из школьной программы, то ещё какие-либо текста, несвязанные между собой по смыслу. В то мгновение ему хотелось лишь провалиться под землю и не возвращаться обратно. Снег, попеременно окутывая быстро-бегущий город, стал понемногу утихать и отдавал своё место сильному ветру, который в условиях крупной застройки города хоть и не был столь жесток, но давал часто о себе знать в такую предночную погоду. Фёдор, идя по красивой старой, но тесной и маленькой улочке, забитой огромным количеством машин, свернул во двор, где был лишь один подъезд, а в левом правом углу от входа стоял мусорный контейнер. Фёдор вошёл в тот подъезд, который был даже без домофона, и стал подниматься на третий этаж этого старенького задрипанного домика имперских времён, где прожили всю свою жизнь десятки поколений и нынешние потомки тех, проживающие до сих пор. Поднявшись на третий этаж по лестнице, которая казалось вот-вот рухнет, он подошёл к современной и достаточно зажиточной двери. Он позвонил в звонок на стене, нелепый звук звонка которого был слышен даже в подъезде. Ему открыл худощавый парень в очках и с гусарскими усами. По его худому тощему и усталому лицу было

видно удивление. Он точно не ждал такого гостя. Но поздоровался с Фёдором и пригласил зайти к себе, показав вежливо рукою в зал.

–Федя, дорогой друг, не ожидал, признаюсь. Какими судьбами ко мне? – сказал, присаживаясь рядом с Фёдором на мягкий старый диван, друг Фёдора, Игорь Старонравов.

–я... Думаю, не стоит говорить, но я... Совершил ужасный поступок, я не могу, моя душа превратилась в пекло, где сражается страх, бессилие и совесть, где ничего кроме этого не осталось. Мне ужасно плохо и кажется осталось мне не долго. А идти... Идти мне больше некуда. Мой дом больше мне не дом, а буквально ловушка, тюрьма. Моя жизнь тут кончилась, кажется, я не могу так.

–стоп, стоп, стоп. Что случилось-то, собственно? В чём дело? – Спросил в недюжинном удивлении Игорь, выпучив показательно глаза и сделав вид позадумчивей.

–да человека я убил! Собственными руками убил и совесть губит меня, сжимает мое нутро, понимаешь?

–да что же с тобой? Ты в своём уме? Что ты такое говоришь? Ты выглядишь крайне бледным. Ты явно болен. Пойдём, может, я тебя до дома доведу и вызову врача хоть. Где ты живёшь?

–нет! Нельзя мне туда. Нельзя, понимаешь? Я никуда не пойду. И врача мне не надо. Хочешь-выпри меня из квартиры, делай что хочешь, но никого звать не нужно, -произнёс Фёдор в безумстве и моментом в его глазах пошли искры,

накатывая снежным комом, застилая весь его обзор, а голова стала ходить кругом и чрезмерно болеть, потом вовсе перестала работать и Фёдор упал в кому.

Так провалился он примерно с час, пробуждаясь иногда в своём просторном непрерывном сне, переходящим в большой голове Фёдора от кромешной тьмы до яркого света без признаков какой-либо согласованности и малейшей связи с внешним миром.

Игорь, понимая всю тяжесть ситуации, уложил Фёдора на диван, накрыл его одеялом и покинул комнату, иногда лишь тревожно наблюдая, не пробудился ли он. Игорь всё – таки решил не звать врача по наставлению самого Фёдора, а пока понаблюдать за состоянием его самостоятельно, в надежде, что он сможет сам оправиться от непонятного недуга.

В комнате была тишина. Игорь, сидя на кухне и читая книжку какого-то неизвестного автора, задремал. В то время проснулся Фёдор с непостижимым жаром, окутавшем его в сонном бреду и не дающий места для появления мысли. Его голова болела с огромной силой, а тело полыхало жарким пламенем, но встать с того дивана, на котором его уложил Игорь, он не осмелился. Так он продолжил лежать и далее и пытался заснуть, но чрезмерный жар не давал ему это сделать и уже через десять минут его ноги начало ломать и в таком состоянии он пробыл до тех пор, пока не пробудился Игорь и пошёл проверить Фёдора.

–о! Проснулся. Чегой-то ты такой красный, как поми-

дор? – сказал Игорь, поднеся руку ко лбу Фёдора.

–ничего себе. Так ты весь горячий. Сейчас градусник принесу, – произнёс в спешке Игорь и пошёл в другую комнату за градусником.

Пока Игоря не было, Фёдор уже начал винить себя за то, что пришёл к нему в дом, но время не воротить, потому Фёдор решил смириться и плыть по течению.

–на, померь, – сказал Игорь.

Фёдор, взяв этот старый ртутный градусник из рук Игоря, послушно положил его подмышку и стал ждать. В то время Игорь снова ушёл на кухню читать книгу. Пройдя минут десять максимум, Игорь воротился к дивану, на коем лежал Фёдор и взял у него градусник.

–сорок один! Какой ужас. Точно болен. Тебе необходим врач, безусловно необходим.

–не нужно, –произнёс Фёдор тихим слабым голосом.

–нужно, нужно.

Игорь пошёл за телефоном. Набрав обычное и всем знакомое ноль один, он сказал диспетчеру о большой температуре, которая наблюдалась у Фёдора. Диспетчер, собственно, вызвал бригаду, которая уже вскоре, примерно через полчаса в составе трёх человек была на пороге дома, стучавшись и вообще, используя все методы оповещения жителя этой квартиры. Игорь, подойдя к двери, даже не смотря в глазок, открыл и впустил врачей, прошедших сразу в прихожую, но тут же остановившихся. Один из них спросил:

–а где пациент?

–вот, справа, в комнате, – сказал Игорь, указав рукой на запертую дверь.

врачи вошли, аккуратно приоткрывая дверь и постепенно заглядывая вовнутрь.

–здравствуйте, – сказал один из врачей, но ответа не последовало, –давайте для начала смерим сейчас температуру.

Врач достал новый современный электронный термометр и положил Фёдору подмышку. Спустя короткое время ожидания, градусник запищал и врач вынул его.

–да... Температура большая. Понадобится жаропонижающее. Другой врач, вероятно, бывший помощником, открыл сумку с препаратами и достал шприц с прозрачным веществом. Предварительно проверив нажатием, врач, стоявший у Фёдора, попросил его перевернуться на живот и снять штаны. Фёдор, нехотя послушался и лёг как повелевали, думая про себя: "о боже...". Второй врач, который одновременно и ассистент, протёр место укола спиртом, а первый врач сделал укол, выдавив всё содержимое шприца.

–вот и всё. Можете одеваться. Скоро температура спадёт. После принимать парацетамол. Если температура так и продолжится, срочно в больницу. Досвидание.

Врачи, собрав сумку с лекарствами, покинули относительно спешно квартиру. В то время Фёдору становилось действительно чуть лучше и у него понемногу возвращались прежние силы. Теперь он мог спокойно встать с дивана

и так же спокойно разгуливать по комнате, но голова всё ещё продолжала болеть и из-за этого продолжительное время стоять на ногах для него было достаточно не просто, так как его зрение начинало чуть покачивать как на корабле в море, а в голове чувствовалось давление с таким же морским невидимым покачиванием.

Игорь, сказав Фёдору, что тот может оставаться у него, по крайней мере до завтра, покинул комнату, тихо прикрыв дверь и оставив Фёдора одного в комнате.

Он спал вплоть до самого утра с того момента и лишь изредка пробуждаясь. На утро голова всё так же у него болела, однако боль была не столь сильна, как представлялась до этого. Проснувшись, Фёдор лежал и смотрел на белый потолок, разглядывая каждое пятно, каждую паутинку, что по случайности во время проветривания комнаты перелетала с другого места и, цепляясь за потолок, оставалась там.

Но тут внезапно открылась дверь и в неё вошёл Игорь.

– о, проснулся. Есть будешь?

– да, хотелось бы, – протянул слабым голосом Фёдор.

– ну вот, держи, как раз.

Игорь поставил тарелку супа на табуретку, стоявшую рядом с диваном.

– давай поправляйся. Приятного аппетита, – сказал Игорь и покинул комнату.

Фёдор, смотря пару минут на тарелку супа и не отводя с неё глаз, наконец приступил к трапезе.

Поев, он самостоятельно понёс тарелку на кухню. Он вышел из комнаты и прошёлся по коридору до конца, а после повернул налево, где как раз и была кухня. На кухне никого не было. Он аккуратно поставил тарелку в раковину и направился к выходной двери. Он накинул на себя свою куртку, стал одевать кроссовки.

Но тут из своей комнатв выходит Игорь и с явным недоумением спрашивает:

–что, уже пошёл?

–да, пойду, может даже прогуляюсь... – сказал Фёдор, пытаясь отпереть дверь.

–в другую сторону.

–спасибо. Пока, – сказал Фёдор, подняв вверх руку, не смотря в сторону Игоря.

Он прикрыл дверь и пошёл быстрым шагом с лестницы. Его громкие шаги были слышны во всём подъезде. И когда он наконец спустился, у него резко прошла вся та недавняя боль и его настроение начало постепенно улучшаться. Он так прошёл несколько километров, проходя по набережной Обводного канала и одновременно с тем запевая старинные военные песенки. По всей набережной издавались громкие песнопения Фёдора, привлекая внимание окружающих: то "как на Шипке мы стояли", то вовсе "из-за острова на стрежень".

Молодые люди, проходящие мимо, смотрели на него покосившись, кто-то с интересом, а некоторые старики даже

останавливались, смотря на него с улыбкой, вслушиваясь в песню. Однако вдруг ему в голову вновь вдарил та же боль, что была и до этого, а настроение оттого стремглав пропало. В его голове вдруг появилась мысль, зачем и куда он идёт...

Глава 8

В его голове творилась каша, все мысли были сплетены в одно, но однако рассудок Фёдора был на тот момент не столь помешан и вполне мог рассуждать о многих вещах, таких как высшее искусство или, например, своё состояние, которое было Фёдору относительно ясно, но всё же многого он не понимал не только в силу своего помешательства, но и в силу своих недостойных знаний. Головная боль распласталась во всех частях мозга и всё пыталась помешать его владельцу продолжать размышления. Тяжесть и давление с обеих сторон висков принуждало Фёдора хвататься в бешеном приступе за голову или вовсе за волосы, пытаясь их выдрать с поверхности головы. Однако всё в этом мире бесконечно не бывает и боль вновь прошла, как проходит гремучая летняя гроза с проливным дождём, тучи рассеиваются, а солнце опять выходит и светит тем же жарким лучом.

Но так же как и гроза внезапно перед Фёдором явились пару патрульных полицейских, дежуривших и осматривающих прохожих. Они, заметив странное поведение Фёдора, подошли к нему, всматриваясь в его лицо и готовясь по необходимости погнаться за ним.

—здравствуйте. Старший сержант полиции Васев, — сказал осмотрительно полицейский и показал документ, в котором действительно была та информация, которую сказал он, — не

могли бы вы предоставить свои документы?

–какие? – взволнованно сказал Фёдор, пытаясь как-то уйти от этого разговора.

–ну как какие. Паспорт.

У Фёдора тогда с собой не было ничего, в его карманах бушевала пустота, точь в точь копирующая ту, которая находилась в его голове.

–а... Ну... У меня с собой ничего нет, -ответил Фёдор, еле сдерживая страх, понимая свою безвыходность. В его мыслях крутились лишь воспоминания и думы о том, что "вот и все... Попался. Заслужил", ни о чём другом он не думал да и не мог.

–пойдёмте с нами, гражданин, мы сверим вашу личность в участке, – сказал полицейский и, достав из кармана телефон, набрал кому-то. Фёдору было слышно лишь: "Улица. Около набережной. Машина", он перестал думать более о чём – либо. Его взор был направлен в пустоту, куда-то в бесконечное и никак не сдвигался с одной точки, которая была немалых размеров и была распространена по всему периметру взгляда.

Через минут двадцать подъехала полицейская машина с включенным проблесковыми маячками, за рулём которой в одиночку сидел один упитанный полицейский в солнцезащитных очках. Он подвёл машину ближе к тротуару и подъехал к стоящим на нём наряду полиции, державшим Фёдора. Один из полицейских открыл дверь и попросил Фёдо-

ра садиться, но Фёдор не обращал внимания, а продолжал смотреть вперёд, в никуда. "Конец пришёл всему. Вот и всё. Окончилась история", – думал Фёдор, в то время второй полицейский схватил Фёдора и усадил его насильно в салон автомобиля. Машина стартовала. По пути Фёдору из окна машины виднелась набережная, старые петербургские дома и далёкое синее чистое небо, именно про него в тот момент он и думал:

–небо... Такое далёкое и недостижимое. Ему всё безразлично; оно спокойно сейчас, а вскоре будет всё в тучах и из синего светлого цвета удивительно быстро превратиться в тёмно-пепельный. Всё как человеческий разум.

В то время машина всё продолжала ехать, пейзажи города сменяли друг друга и наконец, спустя полчаса езды по городу, они приехали в отделение. Водитель припарковал машину неподалёку от входа. Полицейский, сидевший рядом с Фёдором, открыл дверь со своей стороны и попросил его выйти. Когда Фёдор вышел, он тут же подцепил его под руку и повёл в участок.

Войдя внутрь, перед Фёдором открывалась картина: на лавочке справа перед дежурным полицейским, охранявшим вход в часть от нежелательных элементов, располагался бездомный обросший старец, потупивший голову. Три полицейских, окружив и ведя Фёдора за собой, стрелой вместе с ним прошли через металлодетектор и попали в комнату, слева которой располагался так называемый в народе "обезьян-

ник", а справа лестница, ведущая на второй этаж. Они пошли туда. Жандармы шли как будто спеша куда-то, таща за собой уставшего Фёдора. Добравшись до второго этажа, они двинулись прямо по коридору, усеянному безмерным количеством дверей с висящими на них табличками. Они добрались до конца коридора, в предпоследнюю дверь слева. Не войдя туда, один из полицейских ушёл, второй и третий, проникнув вовнутрь этой комнаты вместе с Фёдором, заперли дверь, причём один из них встал рядом с нею. В комнате было довольно пусто, в ней не было окон вовсе, лишь стол посередине комнаты, за которым сидел ещё один человек в полицейском форме и компьютер в углу. Один из полицейских подвёл Фёдора к столу, сидевший за которым офицер начал разговор:

–присаживайтесь, – сказал с серьёзным настроением и нахмурив брови, статный блюститель порядка напротив Фёдора.

Фёдор невольно задрожал, но быстро опомнился и, отодвинув стул, сел напротив него. После минутного напряжённого молчания, перебирая какие-то документы, полицейский заговорил.

–здравствуйте, вы особо не волнуйтесь, нам нужно уточнить парочку очень немаловажных вопросов. Вы готовы?

–возможно.

–ну, не суть. Начнём. Вы знаете Николая Ежова?

Фёдор чуть замялся.

–знаю.

—кто он вам был? Другом или, может, просто знакомый?

—однокурсник он мне, -у Фёдора начинало сбиваться дыхание и ему стало тяжело дышать.

—когда вы виделись с ним последний раз?

—в феврале, до моего исключения, -в голове Фёдора вновь начиналась путаница; смесь из тысяч мыслей старалась выйти наружу из его головы, стучась в её стенки как дикий зверь, пойманный в клетку. И тут у Фёдора начала кружиться голова. В глазах тёмная полынья распространялась по зрачку и ему уже было ничего не видно. Он упал в обморок.

Очнулся он уже в скорой помощи, одетый в кислородную маску, где врачи, окружив его, пристально следили за состоянием попавшего к ним пациента. Фёдор был в бессознательном состоянии: он не понимал, что происходит вокруг его, звуки в ушах отдавались эхом и были неразборчивы, а в глазах всё так же оставалась мутность.

Уже через пару минут скорая помощь была у ворот больницы. Врач, сидевший в машине у двери, быстро её распахнул и подхватил носилки с Фёдором, потащив их на себя. Второй врач взял носилки с другого конца и поднял их. Таким образом они спустили носилки с лежащим на них пациентом на землю и повели их в реанимацию. В этот момент Фёдор вновь впал в кому, а проснулся только лишь уже лежа в больничной палате под капельницей. Палата представляла из себя комнату с белыми стенами, тремя кроватями и тремя тумбочками к ним. Фёдор был в палате один, оставшись

наедине со своими мыслями.

—что это было? А впрочем — полная чепуха. Скоро меня запрут в темницу на долгие часы, дни, года, где я и сгнию как тухлая рыба. Что ж, за всё приходит расплата. Заслужил.

Постепенно, разговаривая сам с собой, Фёдор постепенно начинал засыпать и через пару минут рассуждений наконец уснул крепким непрерывным детским сном.

Ему приснилось как его поместили на эшафот посреди города. На казнь пришло посмотреть половина населения культурной столицы. В толпе были видны лица всех друзей, бывшей девушки, знакомых, и каждый, смотря на него призрачно с укорительным взглядом, говорил про себя про отвращение к Фёдору, про его ужасный характер и сожаление того, что они познакомились с ним вовсе. Но тут сон резко обрывается и Фёдор просыпается в холодном поту, дыша как после долгого кросса, смиренно лежа в своей койке, смотря в обветшалый потолок. На улице уже было светло, утреннее солнце билось в запотевшее окно обшарпанной старенькой больницы, пробивая стекло и освещая всю палату. Фёдор, начав крутить медленно голову из стороны в сторону, смотря по всем направлениям, которым возможно, разглядывая каждый лучик солнца, каждую пылинку, играющую на нём. Думы в эту секунду не окутывали Фёдора; он как будто больше ничего не знал прежде и ни о чём не думал. Никакая плохая мысль не смогла пробиться в его мозг. Его настроение обуюла невиданная прежде радость, а активность охватывала

каждый член Фёдора: его ноги фактически буквально хотели в пляс, а руки помогать тому. Но тут в палату зашёл врач. Он смотрел на Фёдора с некоторым равнодушием и прохладой, приопустив веки чуть вниз.

–проснулись? Замечательно. Как вы себя чувствуете? – сказал громким, но монотонным голосом, будто произносивший заученный текст.

–довольно неплохо, -ответил Фёдор.

–вот и хорошо. Сейчас мне нужно вас немного обследовать. Вы лежите, а я сделаю всё необходимое.

Доктор приснял с Фёдора одеяло до бедра и приподнял футболку, прикладывая попеременно стетоскоп к груди Фёдора. Далее врач приступил к съёму капельницы, так как по его мнению она больному уже не требовалась. Закончив, доктор разрешил ему вновь одеть футболку как положено и укутаться одеялом.

–ну, что ж, всё, что мне сейчас нужно было, я сделал. Я к вам загляну ещё через часа два, – сказал доктор, развернувшись и уже готовившись уйти, но вдруг остановился и продолжил речь, – ах, да, вскоре вам принесут завтрак.

Договорив, врач ушёл. Фёдор вновь остался один на один сам с собой. Но ему было очень скучно лежать одному в палате, а с собой у него ничего не было, даже какой-нибудь книжонки, а мысли в голову лезть не желали, будто опасаясь Фёдора, покинув его голову ради того, чтобы спустя годы долгих скитаний, найти пристанище в чужой.

Время шло с необычной быстротой, её безостановочный темп был удивителен, что создавалось впечатление, что секунды поменялись местами с минутами, минуты с часами и так далее. Потому уже через минут десять (что по ощущениям Фёдора было минута, а то и меньше) вошла повариха с тележкой, нагруженной довольно старенькими тарелками и железной большой кастрюлей, из которой выглядывала ручка от поварёшки.

Она, подвезя тележку поближе к тумбе рядом с Фёдором, открыла крышку кастрюли, из которой мигом взлетел пар, а запах свежих щей заполонил всё окружение. Она резво взяла тарелку, зачерпнула супа из кастрюли и профессионально налила его в тарелку, поставив её на тумбу. Затем она закрыла кастрюлю, развернулась и ушла вместе с тележкой обратно в ту же дверь, что и заходила в палату.

Вокруг воцарила тишина. Иногда только доносились дальние звуки из других палат или от обуви мимоходящего врача, однако подавляемые по большей части дверью палаты. Но вдали неожиданное начал слышаться громкий стук ботинок, с каждой секундой всё увеличивающийся, проникающий через малые щёлочки в двери и дающий понять всю грозность их владельца. Наконец эти звуки, подходя к двери палаты Фёдора, всё утихали, окончательно остановившись перед ней. В дверь раздались два быстрых стука. Дверь открылась. В неё вошёл подтянутый мужчина в гражданской форме.

—здравствуйте, вы же Фёдор Иванович?

—я, -непонятливо ответил Фёдор.

—я как раз к вам.

—ко мне?

—да-да, к вам. Я из полиции, -мужчина достал из внутреннего кармана удостоверение, — У нас тут такое дело... Мы нашли действительного преступника, точно выяснили, кто совершил это мерзкое и беспощадное преступление, убив бедного студента.

—да? И кто же? -спросил в холодном поту Фёдор.

—это оказался дворник, местный, старикашка, гулявший вечно около университета. Он и совершил это злосчастное преступление. Увёл под утро мальчугу, а потом из своего карабина его, собственно... того. Но вы теперь не переживайте, злодей пойман. Вы нас уж извините, что нам пришлось вас потревожить и возбудить ваши нервы, что аж довелось до больничной койки. Приношу извинения за такое недоразумение. Ну, раз теперь объяснились, не смею вас далее беспокоить. Удачи, выздоравливайте -сказал полицейский, покинув палату.

Фёдор был в несладки неясных туманных чувствах, нахлынувших на него бурей: он был доволен тем, что его более не преследуют, но тем же временем он винил себя, корил что есть мочи, что благодаря ему будут судить совсем невинного человека. Эта мысль не давала ему покоя. Он лежал, смотря в потолок, не отводя от него глаза и, казалось, не моргая.

Он чувствовал своё бессилие и вновь начавшуюся войну в его голове, где перевес побед достался явно не его смиренному и тихому гению, а злему и беспощадному внутреннему беспокойству, не отпускающему Фёдора на протяжении всей его осознанной жизни, постепенно нарастая и усиливая свои масштабы грозной атаки на и так слабо защищённую от психологических неприятностей голову Фёдора. Но через время, попеременно возвышаясь и уходя в подполье, беспокойство чуть утихло, замирев, отойдя в стагнацию на время, когда в комнату вошёл Хорал.

—хо-хо, мой друг. Как же я давно тебя не видел. Мы с тобой не встречались довольно продолжительное время по моим меркам. Ты уже смотришь успел побывать в не одной передряге. Да... Что ж ты так себя не ценишь, трудяга? Такой ум надо беречь, быть с собой более милосердным, а ты так с головой бросаешься в авантюры, что без неё можно и остаться. Нет, конечно, риск – благое дело, но для тебя сейчас, наверняка, покой нужен. Тогдашнему тебе нужно было беспокойство, а сейчас покой. Вот, как я вижу, ты покоишься тут хорошо. Прекрасное место для расслабления. Сколько тут лиц интересных, а? Как думаешь?

—эм... Ну... Ты как сюда пробрался – то? И зачем? -сказал, еле произнося Фёдор, как будто не чувствуя языка и того, что его рот открывается для произношения речи.

—да тут особо тужится не надо: сказал к кому путь – дорогу держишь в регистратуре – и пропустили. А к тебе я так, даже

не по делу. Просто решил взглянуть на своего старого-доброго друга, как он тут поживает, как живёт и чем еду добывает. Давно ж не виделись! – сказал Хорал громким весёлым задорным голосом, садясь близ ног Фёдора на постель.

Фёдор, стараясь что-то сказать, не мог произнести ни слова. Его губы будто зашили толстой нитью, язык вынули, а челюсть заморозили. Его все попытки что-то произнести оканчивались провалом, ведь даже банальное мычание он не мог создать своим голосом, не говоря уж о словах. Он чувствовал и понимал, что его парализовало. Его вдруг охватил лютейший страх и он испуганными глазами, смотря из стороны в сторону, пытался поднять хотя бы какую-либо свою конечность или что-то показать сидящему напротив него Хоралу. Страх начал заполнять каждый сантиметр тела Фёдора, ему хотелось кричать, но он не мог этого сделать, из-за чего становилось ещё ужасней. Из его глаз полились слёзы, а фигура сидящего Хорала начинала рывмываться, также размывая задний за ним фон, окончательно порабощая всё более увеличивающийся яркий свет полной мглой. И вот – темнота. Ничего нет. Только чей-то голос откуда-то возносился, чётко выговаривая каждое слово, доносясь тройным эхом: "брат мой, что ты совершил? Зачем ты всё это сделал? Теперь из-за тебя, глупца, страдают люди, а ведь эта цепь страданий, пущенная тобой, будет продолжаться, увеличивая плачущих, невинно страдающих".

Тут резко голос оборвался и от всего осталась только од-

на кромешная тишина и пустота. Ничего более не было: ни слова, ни звука, ни какой-либо картинки.

Но тут Фёдор резко открывает глаза и просыпается там же в больнице, где был ранее, а его будит врач, трясая за руку, из окна бьёт всё тот же солнечный свет, а из коридора доносятся звуки разговоров.

—ну наконец проснулись. У нас для вас радостная новость: вы достаточно здоровы, чтобы выписаться. Пока вы были в коме, мы вас обследовали и результаты показали, что вы в довольно в хорошем состоянии и в больнице лежать вам не требуется. Однако мы вам советуем избегать негативных и пугающих ситуаций, чтобы не случился рецидив. Желательно также принимать успокоительные, можно экстракт валерьяны, раза два в день. Вас уже с завтрашнего дня выписывают. С десяти часов утра подойдите к регистратуре, там вам далее скажут. Досвидания.

Так в обычном темпе прошёл целый день, не отличившись своей разнообразностью. И так же, меняя день на ночь, утро на вечер, приходит новый день, встречая всех заспавшихся людей и животных яркими лучиками света. Но Фёдор не был рад такому: в его груди стояла прочно и даже усиливалась тревога, а в голове начиналась ярая смута и война между сотнями мыслей. Он корил себя за то, что теперь другой человек потерпит наказание за него. Эта мысль никак не покидала его головы и была ключевой во всем этой жестокой внутренней войне.

Но Фёдор, взяв себя в руки насколько это только возможно, встал и начал одеваться. Он стал собирать всё, что у него было с собой в тот момент и пошёл к регистратуре. Дойдя до полукруглого закрытого стола, за которым стояли три упитанные женщины, он сказал своё имя со словами, что выписывается. Одна из тех женщин быстрым движением руки взяла справку, уже подписанную врачом и поставила печать, выдав Фёдору. Фёдор поблагодарил и пошёл к выходу. Отпирая стеклянную дверь, в его глаза бил солнечный свет, слепя и не давая разглядеть что творится перед ним. Фёдор начал аккуратно неторопливо спускаться по ступеньками, смотря себе под ноги. На улице было уже тепло: птички пели не в себя, начинали цвести растения и фактически уже распустились почки на деревьях. Спустившись, он уже решил для себя, что не будет никуда возвращаться, не скажет никому о своём выписывании, а пойдёт в лес. Так он и сделал. Спустя довольно долгое время хождения по городу, рассматривания улиц и людей, непринуждённо бродящих по пыльным переулкам и тропам города, он покинул город и дошёл до леса.

Глава 9

Перед ним оказался всё тот же лес, в котором он бывал уже не раз и который мог стать для него вторым домом, куда, постояв и недолго думая, он пошёл. Ни мысль об опасности или возможной встречи с кем-то не беспокоила и так опечаленный разум Фёдора. Он шёл вперёд, пробирая кусты и обходя непреступные поросли деревьев.

Но вдруг перед ним оказался Хорал.

–ого, какая встреча! А я не ждал, признаюсь. Или ждал... Ну и ну. Что ж тебя привело в эту глушь. Что молчишь? А?

Но Фёдор не ответил ни слова, даже не посмотрел на него, а просто прошёл мимо.

–хэй, куда же ты, погоди. Что такой серьёзный-то? Выпи-сался и начал по лесу гулять? Молчишь? Ну ладно, ладно, не буду беспокоить, – сказал Хорал и развернулся, пойдя в другую сторону, противоположную Фёдору.

Фёдор шел неугомонно, как будто не уставая и не делая передышек, хотя его ноги уже болели от столь долгой ходьбы по пересечённой местности. Но вдруг он дошёл до какой-то быстрой маленькой, но полноводной речки, он решил сесть рядом с ней и всё-таки отдохнуть.

И срывая листики с кустов, мирно растущих рядом с ним, он находился в глубоких раздумиях, мысля о том, что произошло и как можно действовать дальше, пробираться свой

путь. Но он резко встал, всё вокруг на миг замолчало. Начал завывать небольшой ветерок. Он постоял пару секунд, вглядываясь в поросший камышом противоположный берег, выжигая его своим взглядом. Но вдруг он начал отходить назад. Снова встал на одном месте. Бормотал что-то невнятное себе под нос и очень громко кричал, очень, очень громко. Стал бить себя и у него полились слёзы из глаз, капали, усиливая свой поток. Он не сдержался и упал на землю разрыдавшись.

—это я виноват! Я земная тварь, испортившая жизнь этому миру. Нет... Что же делать? О боже! Если бы я знал.

Но он снова так же резко встал, крича как можно громче, разрывая свою гортань до хрипоты: "Я сильный. Я силён. Вся сила во мне

Я смогу". Сжав руку в кулаке до боли, он разбежался и прыгнул в реку. Она его приняла в своё объятие как самого родного, дорого ей сыночка, скрыв стремительно людское обычное тело в своём бурном потоке.

И больше его никто не видел. Никто...

Лишь утренние густые туманы сходили по журчащей лесной реке, в которой плескалась играющая рыбёшка, хватающая зазевавшихся комариков. Ветер тепло и приятно дуя, шелестел молодые весенние листочки, а вместе с ними птицы, перелетая с одной ветки на другую, пели красивые песенки, предвкушая приход нового дня и наступающее лето. Вокруг стояло умиротворение.